

ДВОЙНОЙ
СМЕШНОЙ
ДЕТЕКТИВ

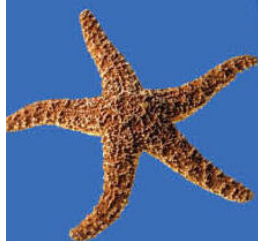
Талина

КУЛИЖОВА

САБИНА
НА ФРАНЦУЗСКОЙ
ДИЕТЕ

БРЮНЕТКА
В КЛЕТКУ

Двойной смешной детектив

Галина Куликова

**Сабина на французской
диете. Брюнетка в клетку**

«ЭКСМО»

2004, 2006

УДК 82-3

ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Куликова Г. М.

Сабина на французской диете. Брюнетка в клетку /
Г. М. Куликова — «Эксмо», 2004, 2006 — (Двойной смешной
детектив)

ISBN 978-5-04-197000-0

Сабина на французской диете Сабина устроилась на работу в фирму «Бумажная птица»! Но вот засада: по трудовому контракту счастливица должна за две недели похудеть до сорок четвертого размера, в противном случае она будет уволена. Итак, в первый же рабочий день Сабина садится на французскую диету и... находит дневник своей предшественницы Ани Варламовой. Прочитав его, Сабина понимает, что на фирме творятся очень странные и опасные дела. И сама Аня вовсе не уволилась, а бесследно исчезла. Сабина начинает собственное расследование. И пусть у нее нет навыков детектива, зато поймать преступника ей поможет обострившаяся из-за диеты любовь к сырокопченой колбасе! Брюнетка в клетку Кто бы мог подумать, что модный клетчатый костюм станет причиной больших несчастий! Именно из-за него безвредную переводчицу Ларису перепутали в аэропорту с крутой суперагентшей, вызванной для выполнения опасной миссии. Подписывая контракт, Лариса полагала, что ей предстоит сопровождать ирландского профессора-лингвиста в поездках по Москве. Но - о, ужас! Вместо этого ей придется держать под неусыпным наблюдением мелкого афериста Антона Жидкова. Дело осложняется двумя обстоятельствами - таинственным убийством в семье Жидкова и отсутствием какого-либо опыта оперативной работы у агентши-самозванки...

УДК 82-3

ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-04-197000-0

© Куликова Г. М., 2004, 2006

© Эксмо, 2004, 2006

Содержание

Сабина на французской диете	7
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Галина Куликова
Сабина на французской диете;
Брюнетка в клетку (сборник)

© ООО «Издательство «Эксмо», 2009

Сабина на французской диете

* * *

Сабина твердо решила не ходить на свадьбу двоюродной племянницы, а просто передать подарок и цветы. Тащиться за город по такой слякоти жуть как не хотелось. За праздничным столом наверняка заставят выпить, хотя бы шампанского, и всю обратную дорогу она будет панически бояться гаишников.

Да еще родственники на банкете начнут приставать с вопросами: «Ну а когда ты устроишь свою жизнь?» Как будто Сабина ее уже не устроила – так, как ей хочется. Возможно ли вообще объяснить куче сентиментальных тетушек и дядюшек, – особенно на свадьбе! – что муж не обязательно входит в набор «предметов первой необходимости»?

Сабина придумала достойный предлог для того, чтобы никуда не ехать, и, не откладывая, позвонила маме. И та буквально сразила ее, сообщив:

– Ты в курсе, что на празднике будет Наташа Буриманова? – Помолчала и коварно добавила: – С мужем, разумеется.

Заготовленная отговорка мгновенно застряла у Сабины в горле. Дима Буриманов был ее первой большой любовью, и она не видела его много лет. Они подружились еще в школе, потом у них был долгий роман, красивый и бурный. Но как-то раз одна их маленькая рядовая ссора переросла в затяжную размолвку. Никто не хотел мириться первым. Сабина была убеждена, что рано или поздно Дима придет с повинной. Ждала месяц, два, три... И вдруг узнала, что он женился на ее собственной двоюродной сестре. С которой она же их и познакомила! Удар был настолько силен, что при воспоминании о нем у Сабины до сих пор звенело в голове.

За прошедшие годы им ни разу не довелось встретиться. В конце концов она сообразила, что Дима просто избегает семейных сборищ, на которых можно столкнуться с бывшей девушкой. Или его не пускает на эти сборища ревнивая супруга.

Интересно, как он сейчас выглядит? Племянницы болтали, будто он начал лысеть, а Наташка превратилась в настоящую квочку. У них двое детей и все та же крохотная квартирка в Медведкове. Она не работает, а он занимает административную должность в московском филиале крупной западной компании.

Сабина поняла, что не сможет удержаться и отправится на эту свадьбу – только для того, чтобы посмотреть на чету Буримановых. Сказать по правде, ей уже давно и страстно хотелось обсудить с Димой их прошлые отношения. Почему он ее так бесцеремонно бросил? Наташка банально окрутила его, воспользовавшись моментом? Или дело в чем-то другом? Сабина желала выяснить все.

Со дня Диминой свадьбы у нее в желудке жила холодная осклизлая жаба. И как только намечались серьезные отношения с каким-нибудь достойным человеком, жаба напоминала о себе. От нее следовало избавиться во что бы то ни стало.

Из офиса Сабина уходила, как всегда, одной из последних. Заперла на ключ кабинет и быстро двинулась по коридору, в конце которого неожиданно столкнулась с главным боссом Кологривовым. Он выскочил из-за угла, едва не сбив ее с ног. Кологривов не любил терять времени даром и носился по зданию ураганом, сея смуту и творя разрушения. Он установил в своей вотчине драконовские порядки, и Сабине нередко казалось, что сотрудники «Альфы и омеги» вот-вот перейдут на военное положение.

Кологривов разместил свою консалтинговую фирму в самом центре Москвы, арендовав четыре этажа в одном из тех современных зданий, которые так портят облик родного города. Среди старинных особняков здание выглядело нелепо и наводило на мысль о том, что архитектор получил свой диплом за бабки, а застройщик подряд на строительство – по блату. Однако Кологривову все эти тонны стекла и металла дико нравились. Неудивительно, что он носил безвкусовые галстуки и был женат на женщине с тонкими губами.

– А, Брусницына! – бросил он, окинув ее невнимательным взглядом. – Рад с вами встретиться. Вы наш лучший проектный менеджер. И мы уже рассматриваем вопрос о повышении вам заработной платы. – Он взял ее за локоть холодными начальственными пальцами и подтолкнул к лифту.

Это был мужчина среднего роста и ничем не примечательной внешности. Вероятно, для того чтобы добавить себе солидности, он отрастил довольно внушительные усы. Другие атрибуты его величия – часы, ботинки и костюм – были куплены в магазинах, которые обычным людям знакомы только по вывескам.

– Мы очень ценим вашу четкость и ответственность, – добавил он.

Щеки Сабины окрасились ярким румянцем – от удовольствия. Каждый день по дороге на службу она шла пешком через Триумфальную площадь мимо громадного каменного Маяковского, который смотрел на нее сверху с величественной усмешкой. Что, мол, ты там копошишься внизу? К чему стремишься? Чего достигла?

Она уже о-го-го чего достигла! Если еще и зарплату прибавят...

– Завтра ожидается важный клиент, – значительным тоном сообщил Кологривов, вызвав лифт. – Вернее, потенциальный клиент. Он пока выбирает между нами и нашими конкурентами. Постарайтесь, чтобы о других консультантах после разговора с вами он и не помышлял. Я на вас рассчитываю.

– Разумеется, Валерий Федорович! – воскликнула Сабина. – Я сделаю все, что смогу.

Она пропустила босса вперед, а сама задержалась на крыльце, застегивая плащ под самое горло: по улице гулял коварный весенний ветер, обожавший застуживать легкомысленных модниц. В старом переулке было тесно от кое-как припаркованных автомобилей. Они наполовину занимали тротуары и мешали пешеходам, им приходилось жаться к стенам домов, вдоль которых тянулись провисшие бело-красные ленты, призывавшие остерегаться сосулек. С крыш звонко капало, но никто не радовался этой капели, потому что тротуары не чистили, и люди скакали по ледяным буграм, шипя и чертыхаясь.

Свою машину Сабина оставила в Оружейном переулке и теперь с тревогой искала глазами: вдруг ее забрал эвакуатор? Вместе с подарком и цветами. К счастью, «старушка» оказалась на месте, и Сабина двинулась к ней быстрым шагом. Едва она села за руль, как зазвонил мобильный телефон. На экранчике высветилось: «Петя Брусницын».

Тот, у кого есть младший брат, мгновенно поймет, почему Сабина насторожилась. Младшие братья, особенно если им стукнуло двадцать шесть, не звонят просто так, чтобы поинтересоваться вашим здоровьем или рассказать новый анекдот. Они появляются на горизонте только в одном случае: если им что-то нужно.

– Привет, – сказала она в трубку выжидательным тоном. – Как дела?

– Салют, Сабинка! – донесся до нее знакомый нахальный голос. – Надеюсь, ты будешь на свадьбе? Нам надо поговорить. Срочно, поняла? Мне требуется твоя помощь. Так ты будешь?

– Буду, буду.

– Приедет твой Буриманов! – сообщил брат с такой радостью, словно обещал ей подарок. – Ха-ха!

– Что тебя так веселит? – рассердилась Сабина.

– Прикольно посмотреть на мужика, за которым ты сейчас могла бы быть замужем.

– Петь, ты владелец фирмы, у тебя в штате двадцать пять человек. Ты не можешь говорить «прикольно».

– Зануда, – ответил тот и отключился.

Определенно, мать и две незамужние тетки избаловали его. Когда появился отчим, Петя уже бросился в гущу жизни: перегонял из Европы иномарки, строил дачи в Подмоскowie, осваивал производство керамической плитки. И вот, наконец, открыл собственную фирму по подготовке и подбору секретарей и помощников, окрестив ее «Правая рука». Он гордился своим

детищем до умоисступления, и, когда Сабина заметила, что это название наводит на мысль о протезной мастерской, Петя едва не набросился на нее с кулаками.

Всю дорогу Сабина размышляла, какое впечатление произведет на Буриманова. Предвалялась мечтам. Тряслась от волнения. Возле «Динамо» проехала на красный свет, а неподалеку от здания Гидропроекта чуть не врезалась в джип, который своей массивной задницей загораживал половину дороги. Очутившись за городом, она едва не пропустила нужный поворот и в который раз приказала себе не паниковать. Может быть, это вообще «утка» и никакого Димы на банкете не окажется.

Но он там оказался. Она приехала на место уже в сумерках и ввалилась в дом с огромным букетом и по колено в грязи. Дом гудел от голосов и сиял огнями. Выглядел он ярко, и разряженные гости как нельзя больше подходили к торжественной обстановке.

В холле ее встретили молодожены с сияющими лицами. Невеста была в белом брючном костюме и кокетливой круглой шапочке. Глаза у нее блестели, как у охотника на крокодилов, добывшего хорошую шкуру. Жених, одурманенный собственными бурными чувствами, стоял подле нее с глупым лицом. Сабина сказала все положенные слова и вручила подарок.

И тотчас увидела младшего брата в драных джинсах и широкой рубаше, в какой наверняка удобно косить траву. Он шел к ней откуда-то из глубины коридора, радостно улыбаясь. Мама считала, что сын одевается «бессмысленно», и постоянно покупала ему нормальные вещи, которые он засовывал в кладовку, не отрезая бирок. Впрочем, что бы он ни надевал, девицы сходили по нему с ума, потому что Петя был ласковым и наглым. И к тому же голубоглазым. Своим многочисленным подружкам он никогда не говорил о том, что занимается бизнесом, иначе они разорвали бы его на части.

– Буриманов здесь, – тоном заговорщика прошептал Петя, поцеловав сестру в щечку. – Нервничает. Ходит кругами по гостиной.

– Вероятно, он просто проголодался, – ответила Сабина. – Мы расстались семь лет назад, чего тут нервничать?

– Да у тебя самой нос побелел от волнения. Меня не проведешь! Я знаю тебя как облупленную.

Сабина не нашлась с ответом. К счастью, появилась мама и повела ее на второй этаж переодеваться. Мама была счастлива во втором браке и поэтому отлично выглядела. Ни грамма лишнего веса – обзавидуешься! Хотя Сабина тоже не считала себя толстой, поскольку застряла где-то между сорок восьмым и сорок шестым размером. У нее была хорошая осанка, красивые ноги и мягкие русые волосы.

Мама завела дочь в небольшую комнатку, сказала, что вернется чуть позже, и оставила ее наедине с сумкой и большим зеркалом. Сабина приняла душ, переоделась в праздничный наряд, поправила прическу и попыталась посмотреть на себя как бы со стороны, чужими глазами. Что ж, у нее есть свои достоинства. Лицо миловидное, правда, не более того. Зато плечи красивые и довольно тонкая талия. Еще у нее хорошая кожа и нет морщинок под глазами. Для тридцатилетней женщины это важно. Да, ей за себя не стыдно. А если сюда прибавить еще и карьеру...

В этот момент в дверь постучали. Сабина распахнула ее и очутилась лицом к лицу с Буримановым. Это было так неожиданно, что она отпрыгнула назад, словно увидела на пороге привидение.

– Не верю своим глазам, – пробормотала она. – Это ты!

– Так точно, я, – сообщил Дима. Шагнул в комнату и закрыл за собой дверь.

Он совершенно не изменился. Разве что слегка заматерел. И никакой лысины у него не было. Все та же густая челка, черная с отливом. Все те же карие шальные глаза. Дима хмыкнул и широко улыбнулся.

– Шикарно выглядишь, – сказал он и покачал головой, как будто это было для него неожиданностью.

Сабина с трудом взяла себя в руки. Сердце все еще бухало у нее в голове и в горле, но она уже могла говорить нормальным голосом.

– Ты тоже неплохо сохранился.

– Давно не виделись. – Дима сунул руки в карманы брюк и прошелся по комнатке, не сводя с Сабины хищного взгляда. – Я услышал, что ты приехала, и сразу примчался.

Сабина несколько раз сглотнула, после чего задала умный вопрос:

– А где твоя жена?

– Оставил дома. Она неважно себя чувствует.

«Так, отлично, – подумала Сабина. – Что бы это значило? Может, он в дым разругался с Наташкой и в этом все дело? Он распетушился, вспомнил о своей первой любви и теперь пытается доказать сам себе, что еще о-го-го какой перец?» А вслух сказала:

– Понятно.

– А ты, говорят, все еще не замужем? – Дима присел на краешек кровати, покрытой пледом, и покачал ногой в лаковом ботинке. Глаз от ее лица он так и не отвел, и у Сабины от его взгляда по спине то и дело пробегали электрические волны.

– Выйти замуж – дело нехитрое. – Она отступила к окну и сложила руки на груди, защищаясь от его обаяния.

Он казался ей таким чудовищно родным и близким, что хотелось плакать. Сабина знала каждую его черточку, все веснушки и шероховатости на его щеках, все его улыбки и любимые словечки. Он был космонавтом, вернувшимся с Луны. Ей хотелось сильно-сильно его обнять. По выражению Диминого лица было непонятно, как он к этому отнесется, но она решила рискнуть. Подошла вплотную к кровати, на которой он сидел, – так, что ему пришлось поднять голову. Их колени соприкоснулись через платье и тонкую шерсть брюк.

Дима встал. Они оказались очень близко друг от друга. От него пахло чем-то незнакомым, но даже это ее не охладило.

– Из-за чего мы поссорились? – шепотом спросила Сабина, глядя в узел его галстука и не зная, куда деть руки.

– Господи, ты такая... потрясающая! – тоже шепотом сказал Дима. – Такая сильная, уверенная в себе, эффектная... – Сабина таяла, как кусок мороженого в горячем детском рту. – Какое счастье, что я на тебе не женился!

Ее словно окатили холодной водой.

– Прости, что ты сказал? – пробормотала она, вскинув голову.

Дима взял ее за плечи и отодвинул от себя так, чтобы можно было нормально разговаривать.

– Я сказал – какое счастье, что я на тебе не женился. Нет-нет, не вырывайся, пожалуйста. Ты не понимаешь. Ты потрясающая. Ты самая привлекательная из всех знакомых мне женщин. – Сабина смотрела на него во все глаза. – Но все дело в том, что я не создан для такой жены! Конечно, я должен был объясниться еще тогда...

Дима отпустил Сабину и, взъерошив волосы, нервно прошелся взад и вперед по комнате.

– Но я струсил! – удивленно сообщил он. – Я давно собирался сказать тебе, что мы не подходим друг другу, и все тянул и тянул. Знаешь, как трудно взять и с бухты-барухты заявить девушке, что ты хочешь порвать отношения? Когда произошла та ссора, я воспользовался ситуацией и улизнул. Прости меня! Все дело в том, что мы слишком разные.

– И чем же мы такие разные? – спросила Сабина, вскинув брови. Слезы скопились в горле, но она еще могла их контролировать.

– Ты для меня слишком... слишком... благоразумна. Ты не способна на безрассудство.

– Я способна! – крикнула Сабина.

– Прости, я не так выразился. – Дима выставил вперед руки. – Ты способна. Но ты слишком правильная, и никакие безрассудства не доставляют тебе удовольствия. Помнишь, мы гуляли по вечерней Москве, было жарко, мы заговорили о море, и я предложил все бросить и прямо сейчас, сию же минуту, слетать в Сочи искупаться?

– И я согласилась!

– Да, согласилась. Но тебе было настолько некомфортно, что уже через час я почувствовал себя дураком. Для того чтобы ты получила удовольствие, ты должна была все знать заранее. Заказать билеты, собрать сумку, продумать маршрут...

– И часто вы с женой пускаетесь в авантюры? – зло спросила Сабина.

– Господи, при чем здесь авантюры? Это просто пример. – Он остановился напротив нее и неожиданно улыбнулся: – Ты ведь все понимаешь, правда?

Сабина все понимала. Она умная, самостоятельная и чрезмерно организованная. Она трудная. На таких не женятся замечательные молодые люди, для которых безрассудства и легкое отношение к жизни важнее всего остального.

Дима еще некоторое время излагал свои доводы, потом понял, что нужно сворачивать разговор, потому что лицо Сабины постепенно тяжелело, наливаясь слезами. Он торопливо распрощался, поцеловал ее куда-то за ухо и ушел, удовлетворенный тем, что трудный разговор состоялся. Он приезжал выполнить свой долг. Он повзрослел и многое понял.

Сабина стояла столбом, уставившись на закрывшуюся дверь. Она чувствовала себя оскорбленной и униженной. И больно ей было так, будто никаких семи лет не было и в помине, а с Буримановым они поссорились только вчера. Старые чувства ожили и нахлынули на нее с неудержимой силой. Она упала вниз лицом на кровать и горько заплакала.

Петя обнаружил ее первым. Поскольку никакие его увещевания на сестру не действовали, он позвал на подмогу сначала мать, потом близкую Сабину подружку Тамару и напоследок отчима, который страшно разволновался. Все бегали вокруг кровати и пытались узнать, в чем дело, но Сабина не говорила. А чтобы ей не мешали рыдать, накрыла голову подушкой.

– Надо просто переждать это, – наконец сдалась мама. – Никто не знает, что случилось? Все отрицательно покачали головами.

– Пойду принесу чего-нибудь выпить, – решил Петя и быстро вышел, впусив в комнату звуки праздника.

Внизу грохотала музыка, но до второго этажа доносились одни басы и жуткий топот танцующего стада гостей, слышался истеричный женский смех и мужской гогот. Время от времени все это перемежалось криками «Горько!». Гости вопили так неистово и заканчивали таким визгом, будто никогда раньше не видели, как люди целуются.

– Наверное, она встретила с Буримановым, – предположила Тамара, с сочувствием глядя на сотрясающуюся подружку. – Они семь лет не виделись.

Тамара была невысокой и полненькой и, несмотря на свежесть, как-то незаметно перешла в «средний возраст». Если Сабину в магазинах все еще называли «девушкой», то к Тамаре обращались не иначе как «Женщина!». Она постоянно сидела на диетах, но, вероятно, это шло вразрез с ее личной генетической программой, и вес упорно возвращался. «Ничто так не окрыляет женщину, – любила повторять Тамара, глотая несоленую овсянку, – как пара сброшенных килограммов».

Она до сих пор не вышла замуж, потому что мечтала о принце, хотя на всякий случай держала про запас старого поклонника. Если принц задержится еще года на два, она плюнет на него и создаст стабильную семью. Вероятно, именно уверенность в завтрашнем дне делала Тамару миролюбивой и жизнерадостной.

– Да, это наверняка старая любовь, – мрачно заметила мама. – Из-за чего еще можно реветь в таком платье?

Она беспомощно посмотрела на мужа. Сабинин отчим выглядел очень солидно: седая шевелюра, очки, значительный подбородок... Он был известным ученым, занимался лингвистикой, научными переводами, возрождал мертвые языки, расшифровывал древние манускрипты и ничего не понимал в женских проблемах.

– Не может быть, чтобы девочка так расстроилась из-за парня, с которым рассорилась семь лет назад, – сказал он, насупившись. – Для этого она слишком благоразумна!

В ответ на его слова девочка зарыдала с удвоенной силой.

– Она нас слышит, – с изумлением заметила мама, потому что рыдания были самозабвенные.

В тот же миг подушка отлетела в сторону, и Сабина, растрепанная и красная, как помидор, рывком села на кровати.

– Почему ты так сказал?! – с ненавистью глядя на отчима, спросила она. – С чего вы все взяли, что я благоразумная?! Я самая большая дура на свете!

Очень вовремя вернулся Петя с подносом, на котором стояла бутылка вина и бокалы.

– О! – воскликнул он, увидев зареванную сестру с распухшим носом и торчащими в разные стороны волосами. – Восставшие из ада! Хочешь выпить?

Он налил ей полный бокал, и Сабина большими глотками осушила его до дна. Присутствующие смотрели на нее с некоторой опаской.

– Я поеду домой, – сообщила она сдавленным голосом.

– Не думаю, что это хорошая идея, – решительно возразила мама, а Петя громко закричал:

– Ну, вот еще! Я тащился сюда только для того, чтобы с тобой поговорить. У меня дело горит, и ты обещала мне помочь!

Сабина поджала под себя ноги, отогнула край пледа и вытерла им нос. Выпитый на голодный желудок алкоголь сразу ударил ей в голову. Стало жарко, потому что кровь быстрее побежала по сосудам, растворив заодно и комок слез, который до сих пор мешал ей дышать. Но даже в таком состоянии она понимала, что отпираться бессмысленно. Если брат что-то задумал – все, можно считать это приговором.

– Давай говори, чего тебе надо, – проворчала Сабина, – и я двинусь в город.

Она ни на кого не смотрела, угрюмо уставившись в угол комнаты. Петя отхлебнул вина и заявил:

– Я хочу, чтобы ты уволилась с работы. Прямо завтра.

Мама и Тамара вытаращили глаза. Отчим длинно присвистнул, что было ему совсем несвойственно. И даже «виновница торжества» соизволила оторваться от созерцания обоев и внимательно посмотрела на брата.

– Чего-чего? – с искренним недоумением спросила она.

– Ты ведь знаешь, как важно сейчас моей фирме утвердиться на рынке, – с горячностью заявил Петя, взмахнув бокалом. Немного янтарной жидкости выплеснулось и упало на явно новый ковер. Никто не обратил на это святотатство никакого внимания. – Мы должны себя зарекомендовать с самой лучшей стороны.

– А я тут при чем?!

На лице мамы появилось удовлетворение. Лучше пусть Сабина орет на брата, чем молча рыдает в подушку.

– Сейчас все объясню. – Петя поставил бокал на комод и засунул руки в карманы. Потом снова вытащил их и принялся жестикулировать. – Я нашел одному «випу» из государственного аппарата потрясного помощника. Чиновник так доволен, что просто не знает, как меня благодарить. Я попросил рекомендовать мою фирму друзьям, и он откликнулся. Привел ко мне своего знакомого и заявил, что очень обязан этому типу. Если я и для него найду стоящего

помощника, причем сделаю это быстро, у меня не будет недостатка в клиентах. Моя фирма сразу же перейдет в высшую лигу.

– И что? – с вызовом спросила Сабина, хотя уже обо всем догадалась.

– Ты знаешь, как трудно сейчас с кадрами?! – закричал Петя, предчувствуя битву и кипящая из-за этого сверх всякой меры. – Ты понимаешь, что такое помощник важной персоны? Это не просто банальный секретарь, который занимается делами фирмы по строгому графику! Этот человек должен жить жизнью своего босса! Быть для него мамой и папой! Ненормированный рабочий день, безумные нагрузки, опять же несносный характер работодателя – вот что его ждет!

– А что за важная персона? – встряла в его монолог Тамара, отличавшаяся неумным любопытством. – Браток какой-нибудь? Бритый под ноль?

– Нет, не браток, – жестко ответил Петя. – Этот человек занимается производством бумаги. Его фамилия Тверитинов. Он не только бизнесмен, но и ученый. Гений инженерной мысли! Создает бумагоделательное оборудование, разрабатывает новые технологии. У него нет ни одной свободной минуты, и его помощнику, конечно, придется несладко. Но я должен угодить этому типу! Во имя дальнейшего процветания фирмы. У меня есть несколько людей с достойными резюме, но тут нужен не просто хороший кандидат, тут нужна жемчужина!

– И эта жемчужина – я, – мрачно резюмировала Сабина.

Петя посмотрел на нее недоверчиво. Она не брызгала слюной и не топала ногами. И даже не смеялась. Это его обнадежило, и он с большим чувством продолжил:

– Я знаю, что ты меня любишь и не дашь пропасть делу всей моей жизни! Ты очень подходишь для такой работы. Я буду спать спокойно, зная, что ты взяла Тверитинова в свои руки. Ты обладаешь всеми нужными качествами.

– Я сильная, – подтвердила Сабина, – ответственная и организованная.

Не уловив в ее голосе трагических нот, Петя продолжал:

– Тверитинов дал согласие лично приехать в «Правую руку», чтобы познакомиться с новым помощником. Теперь понимаешь, что я в ауте?! Одна ты можешь меня спасти. Завтра ты должна уволиться и начать работать на меня.

Сабина спустила ноги с кровати и пристально посмотрела на свои туфли.

Отчим фыркнул и сказал, что сходит за новой бутылкой вина. Кажется, ему просто не хотелось участвовать в скандале, тень которого уже нависла над комнатой.

– Но твоя сестра служит в хорошей фирме, – неуверенно заметила мама. – Делает карьеру...

– Какая чепуха, – отмахнулся Петя. – Знаю я их фирму! Их хозяин – сатрап. Он заставляет мужчин носить одинаковые галстуки, а женщин – юбки и блузки в стиле Надежды Константиновны Крупской. Трудовую деятельность служащие начинают и заканчивают по звонку. Им запрещается перекусывать на рабочем месте и больше трех раз в день ходить в туалет. Ну? И какую карьеру можно сделать в таком ужасном месте?

– А что с зарплатой? – спросила Тамара, жалея, что определенные обстоятельства мешают ей предложить свою кандидатуру.

Она подтащила к кровати стул, который отыскала в углу, и села так, чтобы держать в поле зрения всех присутствующих. Тамара была не только подругой Сабинины, но одновременно и родственницей Брусницыных. Правда, дальней родственницей, седьмая вода на киселе, но все же это давало ей право участвовать во всякого рода семейных разборках.

– Все знают, сколько Сабинка получает? – спросил Петя и с победным видом добавил: – Так вот. Тверитинов платит в три раза больше.

Сабина, еще несколько часов назад надеявшаяся поразить Диму Буриманова своими деловыми успехами, устало сказала:

– Из «Альфы и омеги» меня никто не отпустит. Если я подам заявление по собственному желанию, его будут долго рассматривать. Я у них лучший проектный менеджер. Но даже если Кологривов согласится, меня еще заставят отрабатывать две недели.

– Но почему обязательно по собственному желанию? – вскинулся Петя. – Сделай что-нибудь ужасное, чтобы тебя выгнали с треском.

– Что, например?

– Ну, не знаю. Запишись на прием к начальнику отдела кадров и укуси его за нос.

– Петя, прекрати, – засмеялась мама. – Она испортит себе трудовую книжку.

– Вот именно. И государство начислит мне очень маленькую пенсию, – пробормотала Сабина.

– Боже мой! – закричал брат, чувствуя, что добыча от него ускользает. – На дворе двадцать первый век! Планете грозит глобальное потепление, нефти осталось всего на двадцать лет, ураганы сносят целые государства, куры болеют гриппом! А ты все еще веришь, что доживешь до пенсии?!

В этот момент вернулся отчим с бутылкой токайского. Вино он уже опробовал, и, судя по выражению лица, оно оказалось отменным.

– Зачем вы орете? – благодушно спросил он, довольный тем, что приемная дочь перестала рыдать. И обратился к Пете: – Конечно, она откажется от твоего предложения.

– Да почему? – вспетушился тот.

– Потому что бросать хорошую работу с бухты-барахты неблагоприятно.

Именно этого слова произносить не стоило. Но откуда отчим мог знать? Он его произнес, и в глазах Сабины появился нехороший блеск.

– А я, значит, всегда поступаю благообразно? – уточнила она, оглядев всех родственников по очереди.

У мамы был странный вид. Точно с таким же выражением лица она смотрела на пятилетнюю Сабину, когда та портновскими ножницами отрезала себе под одеялом надоевшие косы.

– Разумеется, – не слишком уверенно подтвердил отчим. – Благообразие – одно из твоих лучших качеств.

– Да уж, – вздохнула Тамара. – Такой характер – не приведи господи. Помню, когда мы еще на первом курсе учились, в каникулы поехали на турбазу под Подольск. Познакомились там с классными парнями. Вечером они позвали нас в гости, а эта мисс благообразие возьми и... Впрочем, неважно, – стушевалась она.

– Так что? – спросил Петя, глядя на сестру в упор.

– Я согласна, – неожиданно для всех ответила Сабина. – Завтра утром я нарушу трудовую дисциплину особо изощренным способом. Надеюсь, меня успеют уволить до того, как твой Тверитинов явится на смотрины.

* * *

Красное трикотажное платье с глубоким вырезом плотно облегло фигуру Сабины и заканчивалось гораздо выше колен. В столь вызывающем виде служащим «Альфы и омеги» категорически запрещалось являться на работу. Что еще им категорически запрещалось, было перечислено в специальном приказе, с которым знакомили каждого счастливчика, зачисленного в штат. Копия приказа в настоящее время лежала на столе перед Сабинкой.

Явившись на работу, она, еще в плаще, застегнутом на все пуговицы, отправилась к Кологривову и честно попросила его подписать свое заявление об уходе. Он сказал: «Не выдумывайте», – скомкал заявление, отбросил его в сторону и быстро вышел, сославшись на дела. Он практически не оставил ей выбора. Тем более что через каждые пять минут Сабине звонил младший брат и спрашивал: «Ну, как? Все получилось?»

Сейчас она сидела в кресле, развязно покачивая ногой, и грызла яблоко. На углу стола красовалась горка сочных огрызков. Рядом, брошенные в беспорядке, валялись рабочие документы, на верхнем из которых недавно стоял мокрый стакан с чем-то оранжевым. Подле них находилась пепельница с тремя свежими окурками. По кабинету плавал табачный дым.

Сабина посмотрела на часы. Прошло ровно четыре минуты с тех пор, как к ней заглянула Инга из бухгалтерии. Инга хотела что-то сообщить, сунула голову в дверь, поворачивала глазами и скрылась в неизвестном направлении. Сабина раздумывала, куда она побежала жаловаться: службе безопасности на верхний этаж, администратору на второй или пожарным на первый? Как позже выяснилось, к администратору.

Кстати сказать, он и был автором той писульки, согласно которой сотрудники не имели права также: использовать телефон в личных целях; в тех же целях выходить в Интернет с рабочего компьютера; проносить в кабинеты еду и есть ее; курить в любом месте, кроме строго отведенного; покидать здание без личного распоряжения руководства; кучковаться в коридорах и на лестницах и т. д., и т. п.

Явившись на работу и надев свои немислимые «шпильки», Сабина вышла в Интернет и загрузила сайт «Личные знакомства», пестревший сердечками и фотографиями мускулистых красавцев. Позвонила по телефону всем подругам по очереди. Четверть часа назад заказала пиццу с грибами и теперь ждала, когда ее доставят, втайне надеясь, что на входе поднимется шум. В промежутке между этими бесчинствами она сходила в зимний сад, похитила оттуда невероятной красоты кактус и занесла к себе в кабинет. По дороге ей встретился главный аналитик Песков. Проходя мимо, она громко сообщила, что у него потрясающая задница. Еще она успела принять важного клиента, выяснить, что его зовут Толик, и наговорить ему глупостей.

Администратор появился спустя девять минут тридцать секунд. Это был мужчина неопределенного возраста с бледно-розовым пористым лицом, напоминавшим тушку ошипанного цыпленка. Никто не знал, как его зовут, потому что откликнулся он только на фамилию – Величко.

– Входите! – крикнула Сабина, после чего отъехала вместе с креслом назад и водрузила ноги на стол.

Величко вошел и встал как вкопанный.

– Ну, – сказала Сабина недовольным тоном. – Чего вы молчите? Вы по делу или просто так?

Дар речи, которым Величко владел с тех пор, как произнес первое «агу», покинул его. Администратор раскрыл рот, продемонстрировав бледный язык, и тут же закрыл снова, клацнув зубами.

Сабина некоторое время смотрела на посетителя с неудовольствием, затем чело ее просветлело, и она предложила приятельским тоном:

– Хотите выпить? – И достала из ящика стола плоскую фляжку, в которой что-то мягко плескалось.

Величко не выразил такого желания, и она выпила сама, ловко отвинтив пробку и прижавшись к горлышку влажными губами.

– Что вы на меня так смотрите? – обеспокоенно спросила она, когда администратор начал медленно краснеть. Сняла ноги со стола, поднялась и, слегка пошатываясь, подошла поближе. Взяла его за галстук и сообщила: – Вы такой милый!

Винтики в голове Величко бешено вращались. Допустить столь вопиющее нарушение дисциплины могла только сотрудница, точно знающая, что ее не уволят. Ни за что и никогда. Вероятно, она имеет влияние на Кологривова. Большое влияние. Администратор неискренне улыбнулся и козлиным голосом произнес:

– Вот, зашел узнать, не закончились ли у вас канцелярские принадлежности.

– О! – явно обрадовалась Сабина. – Наклонитесь поближе, я вам скажу.

Величко испугался, потому что она взяла его за шею, притянула к себе и что-то такое сделала с мочкой его уха.

– Что вам нужно? – жалко пискнул он.

– Хочу, чтобы ты на меня пожаловался, – шепотом сообщила Сабина. – Кологривову. Пойди к нему. Скажи, что я недостойна работать в такой прекрасной конторе, как «Альфа и омега».

Величко вырвался, выпрыгнул из кабинета и помчался к себе, что называется, не разбирая дороги. Уже от себя он позвонил на верхний этаж и сообщил, что проектный менеджер Брусницына пьяна и вот-вот устроит дебош.

Не успели его следы остыть, как к двери в комнату Сабины мягким шагом подошел сотрудник внутренней безопасности Мешков. У него был вид кота, попавшего на мышинный праздник. Весь он дышал предвкушением.

– Добренький денек, – поздоровался он, входя без стука. Сабина как раз прикладывалась к фляжке.

– Салют, – ответила она и вытерла губы тыльной стороной ладони. – По делу или так, поздороваться?

– Вы что-то отмечаете, госпожа Брусницына?

– Отмечаю удачный контракт, – пояснила та. – Недавно у меня был клиент.

С лица Мешкова мгновенно сдуло всякое выражение. Теперь он казался человеком, начисто лишенным эмоций.

– А Валерий Федорович в курсе, что у вас тут... веселье?

– А вы сходите, доложите ему, – азартно предложила Сабина.

Мешкову ее тон не понравился. Как человек ушлый, он пришел к тому же выводу, что и администратор несколько минут назад. Раз простой менеджер так нагло себя ведет, значит, чувствует свою абсолютную безнаказанность. Может быть, босс теперь использует девиц для заключения выгодных контрактов?

В это время Кологривов принимал потенциального клиента.

– Ну, ты готов подписать договор?

Он сидел в кресле за рабочим столом. Стол был таким огромным, что пристроенные на краю бумаги казались салфетками. Расположившийся напротив клиент – его приятель Толик – лениво курил.

– Если мной будет заниматься Сабина, то да. – Толик глумливо ухмыльнулся. – Какие у нее ноги!

Кологривов некоторое время раздумывал над его замечанием, а потом удивленно переспросил:

– Ноги?

На службе он никогда не обращал внимания ни на какие ноги. Все женщины в «Альфе и омеге» отчего-то носили пуританские юбки и учительские кофты, в которых выглядели весьма неаппетитно. За исключением его собственной секретарши Аллы, с которой он крутил романчик. Но к ногам секретарши он давно привык.

– Эта твоя менеджер такая лапочка, – добавил Толик, подмигнув.

Кологривов видел Брусницыну вчера в конце рабочего дня, и она совершенно точно не показалась ему лапочкой. Впрочем, раздумывать об этом было некогда – сразу вслед за Толиком прибыла рабочая делегация из Питера. Он встретил гостей в конференц-зале и велел секретарше беспокоить его только в самом крайнем случае.

Не прошло и четверти часа, как этот крайний случай наступил. Служба безопасности сообщила, что проектному менеджеру Брусницыной принесли огромную пиццу прямо на рабочее место, и теперь на втором этаже пахнет грибами.

Кологривов недоуменно посмотрел на телефонную трубку и шваркнул ее на место. Через некоторое время звонки пошли косяком: ему докладывали о бесчинствах Брусницыной, которая якобы разорила зимний сад, застопорила оба лифта, испортила пожарную сигнализацию и напала на начальника отдела кадров, который, к счастью, отделался легким испугом.

Перед питерцами пришлось извиниться. Кологривов вылетел из конференц-зала и спросил бледную секретаршу:

– Где она?

– В гостевом зале, – проклекотала та.

Гостевой зал представлял собой небольшую комнату, в которой Кологривов выставил для всеобщего обозрения несколько раритетных картин и коллекцию старинного оружия. Сабина, вооруженная ружьем с серебряным прикладом, встретила его на пороге.

– Вот и вы! – мрачно воскликнула она, глядя на босса косыми глазами. – Долго же я ждала. Вы подписали мое заявление?

Она сделала вид, что прицеливается. Кологривов страшно перепугался и упал на ковер. Ружье, разумеется, было не заряжено, но кто знает этих женщин?..

– Не могу я вас уволить! – крикнул он.

Он и вправду не мог: боялся потерять Толика, которому так понравились ноги проектного менеджера.

– Тогда я вас задушу, – сообщила изрядно перебравшая Сабина. Отбросила ружье в сторону и прыгнула на босса сверху.

Примерно в то же время законная супруга Кологривова, ведомая роком, вторглась в здание «Альфы и омеги» и поднялась в святая святых. Секретарши на месте не оказалось, и она прошла прямо в кабинет мужа. На его столе лежал приказ о повышении заработной платы Брусницыной Сабине Михайловне. Рядом, на полу, валялось смятое заявление той же самой Брусницыной Сабины Михайловны об увольнении по собственному желанию. Подписи на заявлении не было.

Мадам Кологривова поджала и без того тонкие губы. Выплыла в коридор и огляделась по сторонам. Из обычно пустой курилки просачивался сигаретный дым и доносились голоса. Она замедлила шаг и прислушалась.

– Понятия не имел, что у Сабины такая попка, – восхитился баритон. – Пока она не пришла в этом платье...

– Говорят, утром она поцеловала Величко в ухо, и он до сих пор не может прийти в себя, – откликнулся бас. – Сидит в своем кабинете с глупой рожей.

– А сейчас она где? Я тоже хочу взглянуть на попку, – вмешался тенор.

– Не получится. Согласно последним агентурным данным они с Кологривовым заперлись в гостевой комнате. Рычат и катаются по полу.

– Никогда не думал, что босс на такое способен.

Мадам Кологривова тоже не думала, что муж на такое способен. Прежние его интрижки с сотрудницами были довольно вялыми, а секретаршу Аллу она почти любила за глупость и недалечность. Хмурая, как тренер сборной по хоккею перед началом решающего матча, она быстрым шагом вернулась в кабинет, подобрала заявление Брусницыной об уходе и яростно расправила его на коленке.

Тем временем ее супруг вырвался, наконец, на волю. За время поединка Сабина отгрызла ему две пуговицы на рубашке, затянула галстук до самого подбородка, вывихнула мизинец и изрядно взъерошила усы. Он так и не понял, что это на нее нашло, но настроение у него тем не менее было потрясающим. Да, в силу своего положения он мог рассчитывать на внимание практически любой сотрудницы, но до сих пор ни одна из них не набрасывалась на него с такой жадностью.

– Теперь вы меня уволите? – воинственно спросила Сабина уходящего Кологривова, пытаясь отдышаться.

– Ни за что, – бросил он, не оборачиваясь. – Более того. Я собираюсь сделать вас своим заместителем по работе с клиентами.

Сабина плюнула прямо на эксклюзивный ковер. Доплелась до своего рабочего кабинета и позвонила Пете.

– Ничего не получается, – мрачно заявила она. – Чем хуже я себя веду, чем быстрее продвигаюсь по служебной лестнице.

Ее и саму удивил этот парадокс. Может быть, Буриманов был не так уж не прав, когда намекал, что жизнь – это плутовской роман, а не сборник нормативных актов?

– Ты нарушала корпоративную этику? – строго спросил Петя.

– Кажется, я нарушала даже Уголовный кодекс.

– А про фляжку с коньяком не забыла?

– В ней не осталось ни одной капли.

– Черт побери! – закричал Петя. – Ты даже пьяная такая примерная, что к тебе невозможно придрататься! Моему клиенту именно это и нужно! В общем, так: если ты не придешь сегодня в пять часов на собеседование с Тверитиновым, можешь считать, что у тебя больше нет брата.

Сабина бросила трубку на рычаг и раздула ноздри. Злая слеза скользнула по ее носу и упала на стол. Она создала себе блестящую репутацию, которая теперь крепко держала ее в своих когтях. Не зря Буриманов бросил ее еще в туманной юности. Вероятно, она уже тогда была покрыта панцирем благонадежности. Такие женщины, как она, должны оставаться старыми девами и работать на правительство.

Сабина достала пудреницу, раскрыла ее, заглянула в зеркальце, увидела собственный нос и сказала ему:

– Судьбу не обманешь. Выходит, мне не суждено встретиться с Тверитиновым, кем бы он ни был.

Именно в этот момент дверь распахнулась и на пороге появилась пятнистая от возбуждения секретарша босса. В руке у нее был конверт, перевязанный мятой золотой ленточкой, снятой с коробки конфет.

– Вам просили передать, – сказала секретарша, пустив конверт по полированной поверхности стола. И сразу же собралась уходить.

– А что это? – остановила ее изумленная Сабина, с трудом поймав посылку.

– Подарок надень рождения. От супруги босса.

– Но у меня день рождения летом. Она все перепутала.

– Вряд ли, – голосом, полным яда, ответила секретарша.

Если бы у нее хватило смелости, она содрала бы с Сабины нахальное красное платье и переломала «шпильки» на ее туфлях. Ей хотелось остаться и посмотреть, как эта вертихвостка среагирует на то, что найдет внутри конверта. Но оставаться было неудобно, и она вышла. Однако все же не выдержала и прижалась ухом к двери с другой стороны.

Она знала, что за подарок приготовила Сабине мадам Кологривова после грандиозной разборки с мужем. В конверте лежали подписанное заявление об уходе, трудовая книжка ее соперницы и «бегунок», с которым Алла только что лично обошла все отделы.

Она стояла, затаив дыхание. Вот послышался звук разрываемой бумаги... А через минуту из комнаты донесся громкий вопль. Секретарша ухмыльнулась и, абсолютно счастливая, возвратилась в приемную.

* * *

– Ваша Сабина нам не подходит, – безапелляционно заявила мымра, сверкнув очками в черепаховой оправе. – Она слишком толстая.

Петя смотрел на собеседницу не моргая. Он ожидал услышать все, что угодно, – что у его сестры плохая дикция или она неразборчиво пишет, хотя все это было неправдой. Но такое!

– Простите, – ледяным тоном заметил он. – А какое значение имеет в данном случае ее фигура? Практически безупречная, я бы сказал. Тем более что вашему боссу Сабина понравилась.

Петя слегка преувеличил. Его сестра явилась на встречу с размазанной тушью под глазами. И от нее так явно пахло коньяком, что пришлось принимать меры. Пока Сабина приводила себя в порядок, он пытался удержать Тверитинова в кабинете. Однако бизнесмен то и дело поглядывал на часы. В конце концов он заявил, что ждать больше не может, встал и двинулся к выходу. Именно в этот миг появилась бледная как мел кандидатка на вакантную должность. С работодателем она столкнулась в дверях, и Тверитинов на ходу бросил:

– А, так это вы самая лучшая помощница на свете! Рад, что вы, наконец, появились.

– А уж как я рада, – хриплым голосом ответила та.

– Так что же?.. – крикнул ему вслед Петя, и клиент через плечо бросил:

– Завтра в восемь я ее жду.

Тверитинов работал по контрактам с крупными западными производителями бумаги, разъезжал по всему миру, занимаясь усовершенствованием оборудования и технологий. Кроме того, он имел собственную компанию «Бумажная птица», которая вышла на рынок с дизайнерской бумагой ручного изготовления. Продукт делали высшего класса – из хлопка, льна, тутового дерева, крапивы... Отбоя от клиентов не было. Многие желали стать обладателями уникальных визиток, открыток, почтовых наборов, необыкновенных конвертов и фирменных бланков. Девиз «Создай свой стиль» звучал привлекательно. Конкурентная борьба заставляла и фирмы, и отдельных личностей искать любые способы, чтобы выделиться, не затеряться среди себе подобных, а значит – выжить.

Мымра занимала в «Бумажной птице» должность администратора. Вероятно, вечно загруженный Тверитинов передал ей слишком большие полномочия, потому что вела она себя вызывающе. По телефону она представилась Эммой Бениаминовной Грушиной, а при личной встрече просила называть себя просто Эммой и по-мужски пожалала протянутую Петей руку.

Грушина приехала с Тверитиновым и осталась после его ухода обсудить детали. Теперь она сидела напротив Пети в кресле, положив ногу на ногу, и курила, выдыхая в его сторону длинные драконьи струи дыма. Ей недавно исполнилось сорок восемь лет, ее взрослая дочь-археолог жила на раскопках, а муж давным-давно сбежал – к владелице салона красоты, рыжей вульгарной девице, которая важнейшим из всех искусств считала узоры на ногтях. Эмма решила, что в подобных обстоятельствах она вправе отыгрываться на других.

Она была высокой и крупной дамой с красивым лицом, которому отчаянно не хватало мягких линий. Скверный характер отталкивал от нее новых подруг, а тяжелый взгляд – потенциальных ухажеров. Короткая стрижка излишне подчеркивала тяжелый подбородок и полную шею. Никто и никогда не назвал бы ее очаровательной женщиной.

– Сергей Филиппович ничего не говорил о том, что желает измерять свою помощницу в сантиметрах, – уперся Петя.

Ему хотелось дать мымре под дых, чтобы вывести ее из состояния равновесия. Она была спокойна, как удав. В сложившейся ситуации это Петю сильно раздражало.

– Зато я вам говорю, – возразила Эмма. – Сергей Филиппович не вникает в детали. Он просто забыл кое о чем в силу своей занятости. Видите ли, у нас есть одна загвоздка.

Сабина сидела за стеклянной перегородкой и делала вид, что ей ничего не слышно, хотя изо всех сил напрягала слух и могла уловить многое из интересующего ее разговора.

– У вас слишком узкие кресла? – саркастически спросил Петя. – Как же вы работаете, если отвергаете высокого профессионала по такой непристойной причине? Это дискриминация полных женщин!

Сабина налилась краской и стала похожа на неровно вызревший помидор. Дожила. Ее называют полной женщиной. Какое свинство! До сих пор ей как-то не приходило в голову комплексовать по поводу своего веса. Может быть, зря? Если почитать женские журналы, получится, что буквально вся страна борется с целлюлитом и складками на животе.

– Все очень просто. – Эмма распилила собеседника взглядом сверху вниз, рассчитывая, очевидно, что он сию секунду распадется на две половинки. – Мы ищем помощницу потому, что предыдущая, Аня Варламова, вышла замуж за иностранца и покинула страну. Все это произошло несколько неожиданно и очень не вовремя. Накануне важных событий. Через две-три недели Сергею Филипповичу предстоит ряд официальных встреч с представителями бумажного бизнеса, посещение светских мероприятий, зарубежные поездки и контакты с западными партнерами. Помощнице придется его сопровождать. Выглядеть она должна, безусловно, достойно. Сергей Филиппович выделил средства на то, чтобы подобрать ей гардероб. Была потрачена большая сумма, и у нас на руках остался чемодан с одеждой, которую уже поздно возвращать в магазины. Каждый костюм и платье расписаны под определенное мероприятие.

– Вы это серьезно? – не поверил Петя.

Эмма Грушина не обратила на его взлетевшие брови никакого внимания.

– Нам нужна девушка сорок четвертого размера, – не терпящим возражений тоном закончила она. – И мы обязательно такую найдем. Ваша нам не подходит. – Она бросила короткий взгляд на Сабину, которая сидела за перегородкой совершенно неподвижно и непонятно о чем думала. – Впрочем...

– Что? – насторожился Петя.

– Если она сумеет похудеть до сорок четвертого...

– За две недели? Не смешите меня.

– Вам следует с ней поговорить. Возможно, ей очень нужна работа.

– Ошибаетесь. Это лучший кадр в моем агентстве, – отрезал Петя. Ему резко расхотелось угождать Тверитинову. В конце концов, за кого его принимают?! – Работу она найдет в два счета. За ней выстраиваются очереди. Предлагая вам ее кандидатуру, я хотел оказать любезность своему клиенту, который попросил меня посодействовать Сергею Филипповичу.

На лице Эммы Грушиной впервые отразились сомнения.

– Я не знала, что у вас личные расчеты. – Она отступила, но только на полшага. – Все-таки поговорите с Сабинкой. Возможно, она готова немного поголодать.

Петя поднялся, вышел за стеклянную перегородку и мотнул Сабине подбородком. Сестра встала и проследовала за ним в коридор.

– Я сяду на диету, – с места в карьер сказала она.

– А мне это кажется унижительным, – возмутился Петя. – Тебя заставляют голодать силой. Плюнь на них, я найду тебе другого клиента, не хуже.

– Не надо искать другого, – стояла на своем Сабина. – Уволившись, я совершила безрассудство и не желаю, чтобы оно пропало даром! Я хочу работать на Тверитинова – и basta.

– Если бы этот бумажный магнат не был таким сухарем, я бы подумал, что он тебе понравился, – пробормотал брат.

Тверитинов действительно выглядел не слишком привлекательно: громоздкий, в строгом костюме, с темными волосами, зачесанными назад, с большим лбом и невнимательными глазами, которые постоянно смотрели куда-то вдаль, игнорируя собеседника. Упрямую линию губ

подчеркивала маленькая горизонтальная складка на подбородке. Сложно было представить его улыбающимся во весь рот.

– Я рассматриваю его с других позиций, – искренне ответила Сабина. – Не хам ли он, например. Возможно, он привык орать на своих помощников, а я ненавижу, когда на меня орут. Диета по сравнению с этим кажется мне просто детской шалостью. Пойди скажи этой тетке, что я готова на жертвы. Подожди, я сама скажу.

Она вошла в комнату и остановилась на пороге, сцепив руки в замочек перед собой. Эмма как раз тушила очередной окурок в стеклянной пепельнице.

– Если дело только в вещах, которые не на кого надеть, то я согласна, – громко заявила Сабина. И пояснила на всякий случай: – Я согласна похудеть. Думаю, это пойдет мне на пользу. Стройность – залог здоровья, – добавила она.

Мымра молча уставилась на нее, но Сабина даже глазом не моргнула. После приключений в «Альфе и омеге» смутить взглядом ее мог разве что василиск.

– Сергей Филиппович одобрил вашу кандидатуру? – наконец спросила Эмма, которая выходила «пудрить носик», когда ее босс столкнулся в дверях с Сабиной и имел с ней весьма короткую беседу.

– Одобрил. Просил быть на месте завтра, в восемь утра. Кстати, на месте – это где?

– Ждите его возле машины, напротив подъезда. Адрес есть у Петра Михайловича. Но вы очень быстро ушли от важной темы. Вы способны ограничить себя в еде?

– У меня железный характер, – сообщила Сабина.

Позже Петя признался, что ее слова прозвучали угрожающе. Мымре они явно не понравились. Она даже заерзала на стуле.

– Полагаю, нам придется часто видеться, – процедила она. – Мы можем перейти на «ты» прямо сейчас.

– Я против, – быстро ответила Сабина. – На работе я со всеми держу дистанцию.

– Ваше право. – Эмма пожала плечами и поднялась на ноги. – Тогда до завтра.

Сабина с Петей подошли к окну и наблюдали за тем, как их недавняя собеседница спускается по ступенькам и садится в машину. Разумеется, за руль. Трудно было вообразить, что такая женщина позволит кому-то себя возить, даже таксистам. Как только автомобиль отъехал, Петя повернулся к сестре.

– Ты не похудеешь за две недели до сорок четвертого размера, – уверенно сказал он и критически оглядел «объект» с ног до головы. – Что мы тогда будем делать с этим пресловутым чемоданом? Наверняка там дорожные шмотки, которые простым смертным не по карману.

– Вероятно, этот Тверитинов – страшный сноб, – задумчиво произнесла Сабина. – Он хочет, чтобы у него все было лучшее – даже платье на помощнице. Дорогие вещи – дешевые понты. Впрочем, это неважно.

– Э-э-э... – пробормотал Петя. – Ты не сердись, что я втянул тебя в эту авантюру?

Он смотрел на старшую сестру ясными голубыми глазами, точно как в детстве, когда ему удавалось стащить у нее шоколадку.

– Не сержусь. С сегодняшнего дня я – человек, который легко совершает глупости. – Она вспомнила выражение лица Димы Буриманова и поправилась: – Со вчерашнего дня. Что же касается диеты... Понятия не имею, какую выбрать.

– Говорят, француженки – самые сексуальные женщины на свете, – заявил Петя. – Может быть, попробуешь поискать что-нибудь французское? Давай посмотрим в Интернете.

Он метнулся к столу и включил компьютер. Вошел в поисковую систему и напечатал ключевые слова: «Французская диета».

– Иди сюда! – позвал он Сабину. – Кажется, это то самое, что тебе необходимо. Можно похудеть за две недели! Смотри, что тут написано: «*Французская диета. Рассчитана на четырнадцать дней. Исключить соль, сахар, алкоголь, хлеб и другие мучные изделия. Во время соблю-*

дения этой диеты можно пить только кипяченую или минеральную воду. Повторить через полгода. Строго придерживаться меню, так как только такая последовательность приема пищи вызывает необходимые изменения в обменных процессах». У тебя будут изменения в обменных процессах, поняла?

Сабина подошла, приблизила лицо к экрану и ненадолго углубилась в чтение. После чего радостно воскликнула:

– Слушай, это же отличная вещь! Не так все страшно. Еды достаточно, голодать не придется! – Она зачитала вслух: «Первый день. Завтрак: черный кофе. Обед: два яйца, листовой салат, помидор. Ужин: кусок нежирного вареного мяса, листовой салат». Салат я очень люблю! Яйца и мясо не дадут мне обессилеть. Правда, кофе придется пить без сахара, но это я как-нибудь переживу. Начну со следующего понедельника.

– У тебя нет возможности столько ждать, – отрезал Петя. – Начнешь прямо завтра. Встаешь в семь утра, пьешь черный кофе без сахара, и – вперед. Вот тебе адрес Тверитинова.

– Он даже не сказал, в чем заключается моя работа.

– Это и я могу тебе объяснить. Будешь делать все, чтобы облегчить ему жизнь. Перепечатывать доклады, чистить ботинки, отвечать на телефонные звонки, заказывать билеты на самолет, выпроваживать нежелательных гостей, следить за тем, чтобы босс не забыл поужинать...

– Стирать ему носки, – подхватила Сабина.

– Думаю, для такого дела у него имеется экономка.

– Которая легко влезает в сорок четвертый размер. А форменное платье у нее от Кардена.

– Тверитинов будет платить тебе по-королевски. За такие деньги обычно спускают три шкуры. Ты способна терпеть его несносный характер и дурные привычки?

Сабина снова вспомнила Диму Буриманова. Черт побери, она готова побывать в любых переделках! Ее жизнь больше не будет однообразной, похожей на расписание электричек. Уже через две недели она наденет пафосное платье, чтобы повсюду сопровождать ученого и бизнесмена Сергея Филипповича Тверитинова. Мужчины примутся строить ей глазки, а женщины бледнеть от зависти.

До сих пор все шло так, как она задумала. Судьба, казалось, была благосклонна к ней. Но это только казалось. На самом деле именно в эти минуты она готовила Сабине невероятную подлость.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

Завтрак: черный кофе.

Обед: два яйца, листовой салат, помидор.

Ужин: кусок нежирного вареного мяса, листовой салат.

Ровно в восемь часов утра Сабина стояла во дворе огромного дома в Огородном проезде и ежилась от холода. Охранник пропустил ее за шлагбаум, но зорко наблюдал из будки за тем, что она делает. Она ничего не делала: ходила взад и вперед по крохотному пятаку, засунув руки в карманы плаща. Вокруг отдыхали джипы и длинные иномарки, по голым, ровно остриженным кустам скакали легкие воробьи. Она заранее выяснила, какой у Тверитинова автомобиль, и заучила его номер. Отыскала машину на стоянке и теперь топталась возле нее.

Неприятное чувство в желудке не добавляло ей оптимизма. Чашка черного кофе, которую Сабина проглотила утром, показалась ей дегтем. Она привыкла пить кофе с сахаром и сливками. Да еще после обязательного бутерброда с сыром. Мысль о сыре портила настроение, поэтому Сабина постаралась переключиться на что-нибудь позитивное.

«Даю себе слово, – поклялась она, – что не буду ныть и жаловаться, каким бы ужасным типом ни оказался этот Тверитинов. – Пришла пора проверить себя на прочность. Всю жизнь я жила по графику, избегая всего тревожащего и неизвестного. Нужно понять: чего я, в конце концов, стою на самом деле?»

Ее возвышенные мысли прервал звонок мобильного телефона. Она достала его из кармана и посмотрела на экранчик. «Номер не определен» – значилось там. Сабина с опаской поднесла трубку к уху. Вдруг это звонит Кологривов или администратор из «Альфы и омеги»? Возможно, во время вчерашнего бенефиса она что-нибудь испортила? Антикварное ружье, из которого стрелял сам Багратион, или кактус, цветущий раз в сто лет?

Тем временем из трубки до нее донесся незнакомый мужской голос:

– Ну, и что вы там стоите, как Третьяк на воротах? Вы необходимы мне здесь.

– Где – здесь? – переспросила Сабина, сообразив, что новый босс увидел ее в окно. Наверное, Эмма сказала ему, что новая помощница будет ждать возле машины.

– Поднимайтесь на седьмой этаж.

Она окинула взглядом фасад и направилась к единственному подъезду, обрамленному двумя колоннами. Внутри ее встретили мягкие ковры, которые стекали в зеркальное озеро холла со всех лестниц, теплые лампы и сонные диваны. Консьерж приветливо улыбнулся и кивнул, что произвело на Сабину примерно такое же впечатление, как если бы с ней поздоровался фиксус, карауливший проход к лифту.

Очутившись на седьмом этаже, она повертела головой и увидела, что одна из двух дверей на лестничной площадке приоткрыта. Наверное, это знак, оставленный специально для нее. Осторожно потянула дверь за ручку и услышала в глубине квартиры голос Тверитинова. Он разговаривал по телефону, причем очень сердито. Сабина переступила порог и сразу же стащила с себя сапоги, опасаясь наследить на паркете. Потом сняла верхнюю одежду, помялась в коридоре и на цыпочках пошла вперед. Коридор был длинным и где-то вдаль заворачивал за угол.

Из-за этого угла на нее и выскочила совершенно неожиданно маленькая пухлая женщина с «мучными» руками.

– Ой, боженьки мои, не успела вас встретить! – запричитала она. – Сергей Филиппович просил показать вам квартиру, чтобы вы освоились. Меня зовут Людмила Степановна, я экономка. Прихожу прибрать и приготовить, когда Сергей Филиппович попросит. А вы, выходит, будете с ним работать вместо Анечки, да?

– Выходит, – подтвердила Сабина и подумала: «Интересно, Тверитинов скучает по этой Анечке, которая взяла и вышла замуж за иностранца? Наверняка он к ней привык и некоторое время будет раздражаться просто потому, что я – не она».

Экономка Сабине понравилась. У нее было приветливое лицо и глаза с доброй искоркой. Милая тетушка, у которой всегда найдется для гостя тарелочка супа и ласковое слово. Она резво протасила Сабину по квартире, исключив лишь кабинет Тверитинова. Он по-прежнему говорил по телефону, теперь уже по-английски. Говорил свободно и красиво. Сабина ничего толком не успела рассмотреть и даже не смогла сосчитать, сколько здесь комнат.

– Все поняли? Вот и чудесно! Теперь вы уж сами... А я ужасно тороплюсь, – объяснила экономка.

Завела Сабину на кухню, поставила перед ней блюдо с пирогами и убежала, топоча маленькими полными ножками. Хлопнула дверь, и Сабина осталась один на один с пирогами. Некоторое время она сидела неподвижно, борясь с прожорливыми демонами, которые, оказывается, жили у нее внутри. Потом глубоко вздохнула и налила себе из чайника кипяченой воды. Чай – это она точно помнила – пить тоже можно лишь по расписанию. А так – только кипяченую воду и минералку.

Простая вода демонов не удовлетворила. Они требовали пирогов. Сабина стала гадать, с чем пироги: с капустой или с мясом. А может быть, с яблоками? Пытаясь решить эту задачу, она наклонилась и принялась вдумчиво обнюхивать блюдо. Даже закрыла глаза. И именно в этот момент услышала голос:

– Вижу, вы тут неплохо устроились.

Сабина отпрыгнула от стола вместе с табуреткой. Тверитинов стоял на пороге кухни и смотрел на нее даже без намека на улыбку.

– Здравствуйте, Сергей Филиппович, – выдавила она из себя. И твердо встретила его взгляд. – Меня ваша экономка пирогами угостила.

– Надеюсь, вы насытились, – заявил ее новый босс. – И не называйте меня Филипповичем, это слишком длинно и будет мешать работе. Просто Сергей.

– А я просто Сабина. Шесть букв, короче не получится.

На ее мелкий выпад он не обратил внимания.

– Идите за мной.

Тверитинов двинулся по коридору, уверенный, что она подчинится. Сабина даже обрадовалась, что ее уведут подальше от соблазна. Кабинет хозяина дома оказался неожиданно уютным: с продавленным диваном, теплым пледом, лампой под старым матерчатым абажуром. Новенький письменный стол, заставленный оргтехникой, выглядел здесь пришельцем из будущего.

– Присаживайтесь, – предложил Тверитинов, указав Сабине на кресло, возле которого притулился журнальный столик. Она уселась, и он продолжил: – Перед вами лежит синяя папка. Внутри ее список книг, которые нужны мне не позднее сегодняшнего вечера. Телефон книготорговой фирмы, в которую следует обратиться, – на последней странице. И позаботьтесь о доставке.

– Куда доставить? – тотчас спросила Сабина.

– В «Бумажную птицу», разумеется. Вы знаете адрес?

– Да, – ответила она, невольно переняв его телеграфный стиль общения.

Вчера вечером Петя накачал сестру необходимыми сведениями: адресами, телефонами, маршрутами. В том числе поделился и информацией личного характера. От него Сабина узнала, что Тверитинову сорок три года, что он был женат только один раз и давным-давно развелся. От этого брака у него есть дочь двадцати трех лет, которая недавно вышла замуж за неизвестного американского исполнителя музыки кантри и теперь разъезжает с ним по всему миру с гитарой под мышкой.

– Под синей папкой еще одна, белая. Видите? В ней письма, которые необходимо проверить на наличие орфографических ошибок и отправить. Адресная книга в компьютере на рабочем столе. Да, конверты подпишите от руки, я на этом настаиваю. Ручки, бумага и все, что вам понадобится, – на столе. С этого дня вы – мое доверенное лицо. Можете открывать любые ящики и вообще делать в этом доме все, что вам угодно. Единственное неприкосновенное место – моя спальня. Туда, пожалуйста, не заходите ни при каких обстоятельствах.

– Как же можно? – пробормотала она.

А про себя добавила: «Не зайду, не рассчитывайте».

– Итак, отправьте письма и привезите мне квитанции. Закажите книги и проверьте своевременность доставки. Если доставка задержится, привезите их сами. Договоритесь с грузчиками и наймите «Газель». Вот вам адрес типографии. Съездите туда, желательно до обеда, и возьмите образцы бумаги. Следующее. Закажите номер в хорошей гостинице на имя Иванова Петра Михайловича на три дня, начиная с завтрашнего утра. В красной папке, она лежит в самом низу, тезисы доклада, подготовленные моим референтом. Проверьте, нет ли опечаток, и размножьте. Сделайте два экземпляра. Нет, три. В четыре часа напомните мне принять витамины. В семнадцать ноль-ноль по Первому каналу начнется передача о новом бумажном комбинате в Подмоскowie. Запишите ее на видеокассету. Полейте герань, она в кухне на подоконнике.

Когда он замолчал, Сабина не выдержала и пробормотала:

– А розы вырастут сами.

– Простите, я не расслышал.

Он слышал ее отлично и усмехнулся про себя.

– Я говорю: много текучки. Не представляю, как вы справлялись сами. И я ничего не успела записать.

– На столе диктофон. Мои распоряжения зафиксированы на пленку, так что можете прослушать их еще раз, когда понадобится освежить память. Я уезжаю на пару часов. Вот вам номер моего мобильного, телефон экономки и ключи от квартиры. У меня здесь что-то вроде филиала офиса. В течение дня можно приходить и уходить, если требуют дела. Охранника и консьержа насчет вас я предупрежу. Что-нибудь еще?

Сабина облизала кончиком языка верхнюю губу. Она сидела в низком кресле, а Тверитинов по-прежнему стоял у стола, возвышаясь над ней, как башня. Разговаривать было не очень-то удобно. И все-таки она сказала, вскинув голову:

– Мы с вами даже толком не познакомились. Может быть, вы хотите обо мне что-то узнать?

– Только одно, – не задумываясь, ответил он. – Вы не собираетесь замуж?

– Определенно – нет.

– Хорошо. Все остальное меня не касается.

Старый приятель просто вынудил его обратиться в «Правую руку». Эмма, администратор, была страшно недовольна этим обстоятельством. Она хотела устроить к нему какую-то пигалицу девятнадцати лет, но он отказался наотрез. Из десяти пигалиц только одна готова выкладываться на работе. Не факт, что ему попадет именно такая.

Отказавшись от пигалицы, он отправился в эту самую «Правую руку» и, когда увидел Сабину, мгновенно решил, что возьмет ее. Она опоздала на встречу, но держалась великолепно. Ему понравились ее осанка и выражение лица. Никакого заискивания, никакой попытки понравиться. Тверитинов очень ценил в людях чувство собственного достоинства.

Сегодня кроме чувства собственного достоинства он заметил еще умные глаза и красивые ноги. Поэтому и ляпнул про спальню. Ане Варламовой он, помнится, ничего такого не говорил.

Как только хлопнула дверь, Сабина включила диктофон и изложила на бумаге все, что ей предстояло сделать. Как прирожденный стратег, она начала с конца: полила герань, отыскала чистую кассету и установила на видеомагнитофоне таймер, чтобы аппарат включился в нужный момент. После этого очень резко надписала конверты и вложила в них письма. Размножила тезисы. Заказала по телефону номер в гостинице для неведомого Иванова.

Времени оставалось навалом. Сабина ходила на кухню и, стараясь не смотреть на пироги, выпила еще один стакан воды. Прогулялась по комнатам туда и обратно, разглядывая интерьер. На пути ей почему-то постоянно попадалась дверь в спальню Тверитинова, и Сабина внезапно почувствовала непреодолимое желание в нее заглянуть. Прямо как героиня сказки о Синей Бороде – та тоже не могла с собой совладать и влипла в историю.

Боясь до смерти, что хозяин неожиданно вернется и застанет ее на месте преступления, Сабина положила ладонь на ручку двери. Она оказалась не заперта. Или босс рассчитывал на ее чувство порядочности, или в духе Джеймса Бонда наклеил на дверь волосок, чтобы по возвращении прижать Сабину к ногтю.

И все-таки она вошла. Спальня была большой, но какой-то очень темной и пустой. Настоящее царство мужского аскетизма. На огромной кровати лежал серочерный плед, из-под которого торчал кусочек белоснежной простыни – единственное светлое пятно в этой комнате.

Сабина подошла к окну и пошевелила штору. Заглянула в шкаф и пощупала ткань одной из висевших в нем рубашек. Потом сунула нос в комод, где царил идеальный порядок. Интересно, это экономка такая старательная или Тверитинов сам раскладывает трусы одинаковыми стопками? Она еще немного покрутилась по комнате и решила завершить свой визит красиво – взяла и упала на кровать, раскинув руки. И тут же представила, что произойдет, если хозяин

дома неожиданно вернется. Он уволит ее с треском, и она испортит Петькиной фирме репутацию.

Сабина резво вскочила, но когда перекатывалась на бок, сережка зацепилась за плед и потянула ее назад. Она дернулась, сережка выскочила из уха и, проскакав по полу, закатилась под шкаф. Чертыхаясь, нарушительница границ встала на четвереньки и полезла ее искать. Экономка, наверное, наткнется на пропажу, когда будет мыть пол. И подумает, разумеется, что это сережка хозяйской любовницы. Интересно, у него есть любовницы? Разумеется есть, несмотря на то, что он такой противный и у него доисторическая прическа.

Сабина ложилась то на правый бок, то на левый, вжималась щекой в ковер, шарила рукой в пустоте, но безрезультатно. Шкаф был огромный, мощный и наверняка весил тонну. Сабина сбегала в кабинет, достала из своей сумочки зажигалку и галопом прискакала назад.

И вот когда трепещущий огонек осветил темное пространство, она отыскала свою сережку возле самого плинтуса. Но не только ее. Там было еще кое-что, заставившее ее затаить дыхание. К дну шкафа – это можно было увидеть только при свете и только под определенным углом – широким скотчем был приклеен блокнот с обложкой, отделанной цветной фольгой. Пожалуй, если бы фольга не блеснула, словно кусочек зеркала, Сабина ничего бы и не заметила.

Интересно, что это такое? Импровизированный сейф Тверитинова? А в блокноте – список его врагов? Или должников? Или записи, содержащие сведения о финансовых махинациях? Вообще-то странное место для тайника. Человек такого уровня может позволить себе снять банковскую ячейку. Трудно представить довольно крупного и несколько неуклюжего Тверитинова катающимся по полу возле шкафа всякий раз, когда ему хочется сделать новую запись. И как он вообще ухитряется просовываться в такую узкую щель?

Обливаясь потом от страха быть застигнутой на месте преступления, Сабина притащила из кухни длинный нож, которым экономка, вероятно, разделявала цыплят, и принялась хаотично тыкать им в свою находку. Прошло немало времени, прежде чем ей удалось зацепить скотч и оторвать первую полоску. Потом дело пошло быстрее, и в конце концов блокнот шлепнулся на пол. Сабина схватила его, вытянула наружу, прижала к себе и ретировалась со всей возможной скоростью, ругая себя на чем свет стоит.

Вот зачем ей понадобилось совать нос в чужие тайны? Это Буриманов во всем виноват. Раньше она никогда бы себе такого не позволила. Обычно она действовала очень осмотрительно и просчитывала последствия своих поступков. Впрочем, теперь она совсем другая, новая женщина! Которая получает удовольствие от безрассудных поступков. Сказать по правде, пока что она не получала никакого удовольствия.

Сабина притащила добычу в кабинет и, яростно потея, села с ней на диван. Потела она от умственного напряжения, потому что не представляла себе, как ей удастся вернуть блокнот на место. Дрожащей рукой она открыла первую страницу. И сразу поняла, что держит в руках дневник. Причем вряд ли он принадлежит Тверитинову – почерк ровный и округлый, явно женский.

«С. Ф. – абсолютная прелесть! Давно не встречалась с такими вежливыми мужиками. Чувствуешь себя какой-то очень значительной. Сегодня, правда, он надавал кучу заданий, но я уже поняла, что тут скучать не придется. К вечеру устала, как Сивка-Бурка, но С. Ф. меня искренне поблагодарил. Он такой старомодный! Если бы не Патрик, я точно положила бы на него глаз».

С. Ф.? Вероятно, имеется в виду Сергей Филиппович. Надавал поручений... Господи, да это же дневник ее предшественницы! Как ее там? Ани Варламовой, которая вышла замуж за иностранца. Та самая девочка сорок четвертого размера, чье бегство заставило Эмму подыскивать для Тверитинова субтильную помощницу. А Патрик, разумеется, ее жених, за которого Аня вышла замуж. Интересно, сколько эта Аня тут проработала? Месяц? Год?

Сабина пролистала страницы. Никаких дат в дневнике не было, а записи обрывались где-то в середине блокнота. Она вдруг отчетливо поняла, что хочет прочесть их немедленно. От начала и до конца. Это было такое сильное и стыдное чувство, что Сабина покраснела. Вот, значит, что испытываешь, когда влезает в чужие тайны!

Тем временем в голове у нее роились вопросы. Почему дневник уволившейся помощницы спрятан в спальне Тверитинова? Почему, уезжая за границу, она не взяла его с собой? Или не избавилась от него. Неужели не предполагала, что рано или поздно хозяин дома найдет дневник и прочтает его?

«Но, возможно, Аня *хотела*, чтобы Тверитинов прочитал ее откровения? – рассуждала Сабина. – Тогда логичнее было бы «забыть» свое сокровище в более доступном месте. Шкаф в спальне, возможно, не сдвинут с места еще лет сто. Ерунда какая-то получается».

Конечно, был соблазн немедленно приступить к чтению, но здравый смысл заставил Сабину посмотреть на часы.

– Нужно лететь в типографию, – вслух сказала она.

Подняла голову и увидела Тверитинова, который молча стоял в дверях. Сабина так испугалась, что подпрыгнула на диване чуть ли не до потолка.

– Вы еще не ездили в типографию? – Лицо у него было непроницаемым. И он не отрываясь смотрел на дневник у нее в руках. Блокнот был закрыт и лежал обложкой вниз у Сабины на коленях. Вряд ли его можно было опознать с лету. По крайней мере, преступница на это страстно надеялась.

– Вы же сказали, что уехали на два часа! – обвиняющим тоном заявила она. И, воспользовавшись тем, что Тверитинов прошел к столу и на секунду отвернулся, молниеносно засунула блокнот под себя. Теперь нужно сделать так, чтобы ее босс первым вышел из кабинета.

Однако тот и не собирался уходить. Напротив, он ждал, что Сабина немедленно встанет и отправится за образцами бумаги. Она не двинулась с места.

– Вы хоть что-нибудь сделали? – спросил он, копаясь в документах на столе.

– Да, – важно ответила она. – Я полила герань.

– Что ж, неплохое начало дня. – Он прошел к стеллажу с книгами, сшиб по дороге стул и поймал его у самого пола. Чертыхнулся и резко повернул голову. – Почему вы сидите? Я дал вам кучу заданий.

– Потому что, потому что... У меня кружится голова. Не могли бы вы принести мне стакан воды? – спросила Сабина, глядя на него глазами своего брата Пети – голубыми и наглыми.

Не сказав ни слова, Тверитинов вышел из кабинета и отправился на кухню. По дороге он ухмыльнулся. Он видел список на столе и отмеченные «галочками» дела, с которыми она уже справилась. И все же вид у нее был странный. Всполошенный. Как у наседки, которая только что снесла яйцо и вдруг увидела, что в курятник входит человек с корзинкой.

Он налил из чайника воды в стакан и пружинистым шагом возвратился обратно. Его новая помощница сидела чинно, сложив ручки на коленях, но все еще была взволнованна.

– Ой, вода! – радостно сказала она, полая красными пятнами на щеках. – Огромное спасибо. А вы сейчас еще куда-то поедете?

Он подал ей стакан, не удержался и заметил:

– Я должен вас не только поить, но еще и отчитываться перед вами?

Она издала непонятное восклицание, немедленно сорвалась с места, стала собирать свои пожитки: сумочку, мобильный телефон, газету, в которую было что-то завернуто...

– А ну-ка пойте, – нахмурился Тверитинов. – Что это у вас там?

Преступница похолодела.

– Вы что, схватили мои «Экономические вести»? Я же их еще не просматривал! Это сегодняшняя газета, верните ее на место.

Сабина некоторое время бурно дышала, после чего заявила:

– Я случайно испортила всю первую полосу. Сейчас поеду в типографию и по дороге куплю вам другие «Экономические вести». Точно такие же, только целые.

Тверитинов некоторое время смотрел, как вздымается ее мятежная грудь, потом вернулся к столу и заглянул в нижний ящик, в самую глубину. Книжка «Сексуальные фантазии» с глянцевыми фотографиями, о которой он на самом деле только что вспомнил, лежала на месте. Хотя секунду назад он мог бы поклясться, что девица именно ее завернула в газетку и взяла полистать на досуге. Что еще в таком случае ей понадобилось от него прятать?

– Ладно, – наконец, сдался он. – Только не забудьте купить газету. – Сабина облегченно вздохнула. – Когда закажете книги, уже после типографии, подъезжайте в «Бумажную птицу», я буду ждать вас там, договорились?

Он развернулся и вышел из кабинета. Сабина услышала быстрые шаги, и новая мысль озарила ее. Сердце при этом ухнуло вниз. Вдруг не Аня Варламова спрятала свой дневник? А сам Тверитинов по какой-то неведомой причине завладел им и прилепил к дну шкафа? Он узнал его, как только вошел в кабинет. И сейчас поспешил к себе, чтобы проверить мелькнувшую догадку!

Сабина на цыпочках отправилась за ним. Он и в самом деле скрылся в собственной спальне. Она не раздумывая бросилась на пол, потому что внизу между дверью и полом оставался небольшой зазор, через который можно было увидеть, куда направятся его ботинки. Но не успела даже как следует уместиться на ковре, когда проклятая дверь распахнулась, и эти самые ботинки оказались прямо перед ее носом.

– Господи, вы что?! – спросил Тверитинов с невероятным изумлением. Сабина чувствовала, как ворс ковра щекочет ее живот в том месте, где задралась кофта. – С вами все в порядке?

– Опять закружилась голова, – ответила она сдавленным голосом и принялась, кряхтя, подниматься.

Нет уж, если именно так живут авантюристы, то она выходит из игры. Тверитинов схватил ее поперек туловища и рывком поставил на ноги. Вид у него был до невозможности сердитый.

– Где ваша сумка?

– В кабинете. – Сабина смотрела ему в галстук.

– Почему вы ее там оставили? Куда вы сейчас шли? Разве не в типографию?

– В туалет.

– Знаете, мне представили вас как блестящего работника. И что же я вижу? Вы с утра поели пирогов, полили герань и испортили свежую газету. К тому же у вас кружится голова. Не думаю, что мы сработаемся.

Сабина тотчас заняла круговую оборону:

– Я ведь должна адаптироваться на новом месте! А мои походы в туалет не регламентируются трудовым законодательством. И вообще. Думаю, к концу недели вы будете самого высокого мнения о моих профессиональных навыках.

– Ну-ну, – пробормотал он и сложил руки на груди.

Сабина развернулась и с гордо поднятой головой отправилась за своими вещичками. На самом деле ей хотелось бежать, как зайцу – петляя от стены к стене, чтобы скрыться от пристального взгляда, буравящего ее спину.

Чертова сумка! Она оказалась слишком маленькой для того, чтобы в ней поместился большой блокнот. Может, в записях вообще нет ничего особенного. Или там есть нечто такое, что только смутит ее. Вдруг Аня с Тверитиновым были любовниками? И он оставил ее дневник с описанием интимных свиданий себе на память? Но тогда зачем прилепил его к дну шкафа?

Все то время, что Сабина ездила по городу, любопытство грызло ее изнутри, как прожорливый червяк, нарвавшийся на хрустящий капустный лист. Неввероятно, что встреча с Буримановым так на нее подействовала. Оказывается, он много для нее значит! Возможно, она даже любила его все эти годы. И поэтому так до сих пор и не вышла замуж. Уже семь лет прошло

с момента их ссоры! Но стоило Диме сказать, какая женщина ему нужна, и Сабина тотчас же захотела стать ею. Наверное, чтобы следующий Буриманов, который встретится в ее жизни, не бросил ее в очередной раз.

Сабина довольно быстро отыскала офис «Бумажной птицы» и порадовалась, что рядом есть большая стоянка, куда можно воткнуть машину. Она сделала ловкий поворот и уже начала заруливать на свободное место, как вдруг ехавший позади нее грязный «Опель» совершил странный маневр, вильнул и едва не врезался ей в задний бампер. Из «Опеля» выскочил здоровый мужик в спортивной куртке и выпятил грудь.

– Эй, ты чего, ослепла? – заорал он, наскакивая на выбравшуюся из-за руля Сабину. – Очки надень, гусеница безмозглая! Тварь!

– Почему вы обзываетесь? – возмутилась та, отступая. – Это вы сами виноваты!

У мужика были совершенно бешеные глаза навывкате, а челка стояла дыбом.

– Угрожать мне будешь?! – еще громче закричал он, выхватил из салона машины кусок металлической трубы, подскочил, крикнул и, не раздумывая, шарахнул Сабину по ноге. Та подпрыгнула, и удар пришелся по лодыжке. Сабина ахнула от боли и уже собралась было звать на помощь, когда рядом с ней возник молодой мужчина с портфелем в руке.

– Эй ты, спортсмен! – крикнул он, заслоня Сабину своим телом. – Совсем сдурел?

Он был высоким и широкоплечим, короткий плащ блестел на солнце, словно рыцарские доспехи. Оказавшись за его спиной, жертва даже испытала желание прильнуть к ней в порыве благодарности.

– А тебе чего надо? – Тип из «Опеля» шагнул вперед и раздул ноздри, как разъяренная обезьяна.

Тогда мужчина переложил портфель из правой руки в левую, коротко размахнулся и очень технично врезал ему по морде. Тот отлетел к своему «Опелю» вместе с куском трубы. Сабина решила, что сейчас начнется большая драка, но псих, встретив отпор, мгновенно пошел на попятный, прыгнул в свою таратайку и, ругаясь на чем свет стоит, с ревом отъехал.

Как только опасность миновала, Сабина со слезами на глазах принялась ощупывать пострадавшую ногу.

– Больно? – сочувственно спросил ее спаситель и присел на корточки, чтобы своими глазами посмотреть на причиненные повреждения.

Перед ней возникла светлая макушка – волосы были мягкими и легкими, как у ребенка, которому моют голову ромашковым шампунем.

– Ужасно больно, – призналась она. – Но наступать можно.

– Хорошо, что он не вмазал изо всех сил. – Мужчина поднялся на ноги и очутился с ней лицом к лицу. – Бывают же такие идиоты... Надо бы его в ментовку сдать, да времени нет. Кстати, меня зовут Максим.

Он оказался не только сильным, но и симпатичным. Порядочность въелась в его скуластое лицо, на котором главенствовали широко расставленные глаза – светлозеленые, как бутылочное стекло, когда через него смотришь на солнце.

– А меня Сабина. – Она снова согнулась пополам, трогая уши.

Невероятно, какие психи катаются по городу в автомобилях. Бить женщину железякой по ногам!

– Вы приехали или уезжаете? – спросил Максим. У него была тонкая кожа, налитая сочным румянцем. Румянец захватывал не только лицо, но шею и даже уши. Возможно, они горели от ветра. Или же на него произвела сильное впечатление собственная храбрость.

– Приехала. Вообще-то я на службе. Дохромать бы до нее.

– Давайте я провожу вас до офиса, – предложил он и без раздумий подставил локоть. – Куда вести?

Сабина приняла помощь, и теперь, сцепив руки кренделем, они стали похожи на парочку, которая собралась выйти на середину круга и исполнить кадрили. Ее новый знакомый излучал энергию, и даже через плащ ощущалось исходявшее от него тепло.

– Вон туда, видите? «Бумажная птица».

Вывеску было трудно не заметить – массивные буквы громоздились на фасаде ближайшего здания, подмяв под себя названия более мелких контор.

– Здорово! – по-мальчишески обрадовался Максим, тряхнув портфелем. – Я же там работаю!

– И я тоже! – воскликнула Сабина. Она посмотрела на него снизу вверх и поторопилась объяснить: – Я новая помощница Сергея Филипповича.

– С ума сойти. А я – директор фирмы, Максим Колодник. Сергей – мой двоюродный брат. Вернее, это я – его двоюродный брат, – усмехнулся он. – Кузен принял меня на работу. Фирма принадлежит ему, а я всего лишь наемный служащий.

Возможно, его угнетало положение бедного родственника или он просто торопился прояснить свой статус, потому что Сабина ему понравилась. По крайней мере, ей казалось, что она ему понравилась. И он немного тревожился. Как будто они познакомились на автобусной остановке и девушка в любой момент может сказать ему: «Пока, приятель!»

– Вы таким необычным делом занимаетесь, – абсолютно искренне заметила Сабина. – Никогда не видела, как делают бумагу. Да еще вручную, как во времена Средневековья. Даже не представляю, как выглядит этот процесс.

– Еще сто раз увидите. К нам иногда записываются целые экскурсии. Мы изготавливаем бумагу из всего, что можно пустить в дело. Вплоть до крапивы и конопли, – засмеялся Максим. – Сырье перемалывается, отливается в специальные формы и прессуется. Работа жутко кропотливая. Зато получается эксклюзивный продукт.

Сабина никогда не догадалась бы, что Максим Колодник занимает руководящую должность. На своем веку она перевидала массу управленцев с целеустремленными лицами и жестяными глазами. Он не был похож ни на одного из них и казался чертовски милым. Мальчишеская улыбка довершала облик человека с легким характером.

– А на вашей бумаге принтер печатает?

– Еще как печатает. Перьевой и капиллярной ручкой на ней тоже можно писать. Вообще у нас товар – пальчики оближешь. Я вам все покажу, договорились? Только не прямо сейчас, а то у меня скоро совещание.

Он мельком посмотрел на часы и тихонько фыркнул.

– Я уже могу идти сама, – мгновенно всполошилась Сабина. – Бегите на совещание. Босс меня не похвалит за то, что я в первый рабочий день вмешалась в работу фирмы и что-то там сорвала.

– Да что вы! Вашего босса текучка не интересуется, он стратег. Вообще-то я вам не завидую. Предыдущая его помощница буквально выбивалась из сил. Мне кажется, она и замуж вышла только для того, чтобы сбежать от моего кузена. Он сам трудоголик и хочет превратить в трудоголиков всех остальных.

Сказать по правде, Сергей – чертовски талантливый ученый. Иностранцы пытаются его из России с мясом вырвать. Но он – ни в какую. Работает лишь по разовым контрактам. А «Бумажная птица» – это его якорь у родных, так сказать, берегов. Хотя производством он практически не занимается. Но офис у него здесь, на втором этаже. Вы, судя по всему, будете сидеть в приемной. Личного секретаря у Сергея нет, он в случае надобности пользуется услугами нашей Иры. Сейчас я вас с ней познакомлю.

Они уже подошли к «Бумажной птице», и Максим придержал дверь, давая Сабине возможность первой переступить порог. Холл оказался небольшим. Справа, за конторкой, сидела невыразительная девушка с расчесанными на пробор волосами, скрученными в пучок. Скупо

подкрашенные губы поджаты, короткие брови нахмурены. Впрочем, увидев директора, она тотчас расцвела.

– Добрый день, Максим Петрович.

– Мы уже виделись, Ирочка, – ответил тот и обнял Сабину за плечи. – Познакомься, это помощница Сергея Филипповича.

– Сабина Брусницына, – представилась та. – Скажите, а заказанные книги привезли?

Новая фирма, незнакомые люди, со всеми придется налаживать отношения... А с секретаршей в первую очередь.

– Да, привезли. Сгрузили в приемной, не беспокойтесь. – Ира мельком взглянула на новую сотрудницу и снова сосредоточилась на начальнике, ожидая приказаний.

– Тверитинов здесь? – спросил тот.

– Еще не приехал. Хотя его ждут. – Она понизила голос. – Очень нервный товарищ. Утверждает, что он канадский представитель. Его привез партнер Сергея Филипповича и оставил на мое попечение. Этот тип искурил целую пачку сигарет и почти разломал стул – сидит и раскачивается. И иногда стонет, как будто у него зуб болит. Я ему три раза приносила кофе и два раза минералку. Он говорит, что, если Сергей Филиппович не появится в течение получаса, все пропало.

В Сабине мгновенно проснулся менеджер, съевший собаку на работе с клиентами. Да и те качества ее натуры, которые так не нравились Буриманову, разумеется, никуда не делись.

– Отведите меня к нему, – сразу же попросила она Иру. – Или покажите, куда идти.

– Я вас сам отведу, – мягко предложил Максим. – Здесь, в общем-то, легко освоиться. Внизу, в подвале, у нас производство. На первом этаже – технические службы, а на втором – руководство и менеджмент. Так что нам с вами на второй. – Он повел ее к лестнице, по-прежнему придерживая за локоть, хотя она почти не хромала. – Вы кого-нибудь из моих коллег уже встречали?

– Эмму Грушину, – ответила Сабина.

– А!

Это «А!» он произнес со странной интонацией, так что было трудно понять, как он относится к администратору. Впрочем, все выяснилось гораздо позже, когда у Сабины появилась возможность посплетничать с секретаршей.

– Эмма без памяти влюблена в Колодника, – доверительно сообщила Ира. Ей понравилась новая помощница босса, и она с удовольствием делилась с ней информацией. – Сумасшедшая тетка: ей сорок восемь, а ему тридцать пять! Да и вообще. Не с ее сержантскими замашками заводить амуры. – Сабина была с ней абсолютно согласна.

* * *

В небольшой приемной стоял стол с компьютером, а также кожаный диван для посетителей – холодный и скользкий. У него был вид сноба, с которым не хочется иметь дела. Вероятно, по этой самой причине канадский представитель уселся на единственный стул, который выдвинул в центр комнаты. И опасно раскачивался на нем, словно пытался сам себя убаюкать. На его лице читались страдания человека, бессильного изменить обстоятельства.

– Здравствуйте! – поздоровалась Сабина, с деловым видом входя в приемную.

Посетитель, отупевший от ожидания, качнулся еще раз и едва не грохнулся на пол – ножки стула громко стукнули. Клиент вскочил с места и вытаращил глаза:

– А Сергей Филиппович?!

– Еще не приехал. Но я – его личная помощница, Сабина Брусницына. Возможно, я смогу вам чем-то помочь?

– Девушка! – завопил он и простер руки в ее сторону. – Моя фамилия Саблуков. Степан Евгеньевич Саблуков. Я канадский представитель.

Сабина хотела сказать, что это еще ни о чем не говорит. Что значит – канадский представитель? Представитель чего? Однако она не успела озвучить свое недоумение, когда Саблуков снова подал голос.

– Надвигается катастрофа. Если Горьков сейчас же не перешлет текст, книга выйдет с двумя пустыми страницами, потому что типография не может ждать! И мы навсегда поссоримся с Сергеем Филипповичем. Навсегда.

– Так, давайте по порядку, – остановила его Сабина. Садиться она не стала, потому что с таким нервным посетителем вряд ли удастся поговорить спокойно. – Во-первых, кто такой Горьков и о какой типографии речь?

– Вы же уверяете, что помощница! – возмущенно завопил Саблуков. – А сами ничего не знаете!

– Я *новая* помощница, – ответила Сабина. – Может быть, я чего-то и не знаю, но многое могу.

Из его сбивчивых объяснений выяснилось следующее. Референт Тверитинова по фамилии Горьков должен был не позднее сегодняшнего утра позвонить Саблукову и переслать ему по электронной почте статью, которую босс подготовил для какого-то пафосного международного сборника.

Сабина попыталась вспомнить, не видела ли она утром на столе нового шефа что-нибудь похожее на статью. Вроде лежал там какой-то текст в пластиковой папке...

– Объясните поподробнее, о чем статья? – попросила она.

– О новых приборах, в разработке которых участвовал Сергей Филиппович. Для контроля качества бумаги. С их помощью можно определять уровень красковосприимчивости и пылимости. Приборы превосходят оборудование лучших зарубежных фирм! Если статья не выйдет, все мы будем в... В общем, всем нам придется несладко.

– Значит, Горькова вы найти не можете, – констатировала Сабина. – А Тверитинова?

– Он не отвечает на телефонные звонки!

Для верности она сама позвонила на тот номер, который ей оставил босс, и тоже не дозвонилась. Про референта Горькова она слышала впервые в жизни. Когда она попросила Саблукова подождать, тот закатил глаза и взвыл:

– Я больше не могу ждать!

Сабина спустилась к секретарше в холл, птицей слетев по лестнице.

– Зря вы так бегаєте, – заметила Ира. – Ступеньки скользкие. Потом костей не соберете.

Где Горьков, Ира не знала, а к телефону тот, понятное дело, не подходил. Куда мог деться референт, у секретарши догадок не было.

– Это вы должны знать, – укоризненно сказала она напоследок.

Ничего не оставалось, как отправиться за помощью к Эмме Грушиной. Хотя после вчерашней встречи Сабине страсть как не хотелось иметь с ней дела. Согласившись худеть под чужой «чемодан», она чувствовала себя так, будто ее прилюдно унизили.

Сабина очень торопилась, поэтому постучала в дверь и сразу вошла. Не дождавшись разрешения. В сущности, в офисах никто никогда не дожидается разрешения. По крайней мере, в «Альфе и омеге» так и было. В любой кабинет, кроме хозяйского, мог войти кто угодно и когда угодно.

Эмма Бениаминовна сидела во вращающемся кресле, томно откинувшись на высокую спинку. Над ней, словно голодный коршун над кроликом, нависал мужчина с прилизанной рыжей челкой. Его щеки были усыпаны темными веснушками, похожими на россыпь дробленой гречки. Парочка или только что целовалась, или собиралась проделать этот нехитрый фокус прямо сейчас.

– Прошу прощения, – бухнула Сабина, не опуская глаз. Профессиональный долг заставил ее наплевать на условности. – Сложилась форс-мажорные обстоятельства. Необходимо найти референта Горькова. Мне нужна ваша помощь.

Рыжий мужчина выпрямился и повернулся к ней. В его маленьких холодных глазах, похожих на зеленые камушки, вспыхнул чисто мужской интерес. Наглый интерес. Не иначе, это петух в местном курятнике.

– А вы кто такая? – нараспев спросил он.

– А вы? – спросила Сабина, глядя мимо него. Она наблюдала за манипуляциями Эммы, которая, ни слова не говоря, достала густо исписанную тетрадь и уже водила пальцем по строчкам.

– Я – Чагин, бригадир. Зовут меня Борей. – И для верности повторил: – Боря Чагин.

Сложив мокрые губы бантиком, он послал Сабине воображаемый поцелуй и подмигнул. Он был омерзителен. Под его взглядом она почувствовала себя так, словно по ее телу полз червяк.

– У меня есть телефон и адрес матери Горькова, – сообщила Эмма, подняв голову. – Записывайте. Это все, чем я могу помочь.

Сабина записала, пулей вылетела из кабинета, промчалась по коридору и поскакала вверх по лестнице.

– Осторожнее на ступеньках! – снова крикнула ей вслед секретарша. – Костей не соберете.

В присутствии Саблукова Сабина позвонила матери референта, и после долгих расспросов та сообщила ей, что сын вроде бы отправился на квартиру босса.

– Едем туда! – решила Сабина. – Есть шанс или поймать Горькова, или найти статью. Вдруг она сохранена в компьютере Тверитинова? Правда, отыскать ее будет непросто. У него там столько документов...

Пока они спускались по лестнице, навстречу им попало несколько мужчин, и Саблуков постоянно приставал:

– А это не Тверитинов? А вот это?

Оказывается, они никогда не встречались. Саблуков был лично знаком лишь с партнером Сергея Филипповича, который и привез его в «Бумажную птицу», когда исчерпал все другие возможности решить возникшую проблему.

Сабина посадила канадского представителя в свою машину и нажала на газ. Саблуков всю дорогу просидел молча и только в конце начал прикладывать ладони ко лбу – то левую, то правую.

– Наверное, у меня сосудистый криз, – сообщил он мрачным тоном. – Внутри черепной коробки все сжалось, словно кто-то плющит мои мозги.

– Сейчас приедем, и я вас чаем напою.

– Лучше коньяком, – немедленно откликнулся тот. – Коньяк действует быстрее.

Охранник продемонстрировал хорошую память и, увидев знакомый автомобиль, поднял шлагбаум. Сабина почти волоком тащила Саблукова за собой, поэтому в подъезд они вошли, по-детски держась за руки. Консьерж предупредительно улыбнулся. Он был молодым, упитанным и добродушным. Возле него на конторке лежала салфетка, а на ней – бутерброд с прозрачными ломтиками бекона и крупно наструганным огурцом.

– А Сергей Филиппович вернулся? – спросила Сабина, ощутив внезапный приступ голода. На секунду у нее даже в глазах потемнело.

– Да нет еще, – покачал головой тот. – Но там, наверно, этот... Референт.

– Горьков?! – радостно переспросила она, сглотнув. Слюны набрался полный рот, потому что проклятый бекон пах на весь подъезд.

– Да, Вадик. Давно уже приехал.

Консьерж привстал, с любопытством проводив глазами странную парочку, которая галопом промчалась к лифту – оба часто дышали и громко топали.

«Интересно, почему Горьков не отвечает на телефонные звонки?» – размышляла Сабина. На подходе к двери она достала выданную ей связку ключей, но сначала все-таки нажала на кнопку звонка. Никто не отозвался. Переглянувшись с Саблуковым, она вставила ключ в замочную скважину.

В квартире было тихо, и на их окрики никто не отзывался.

– Может, он умер? – вслух спросил канадский представитель, не решаясь первым ступить в коридор. Абсолютно пустой желудок подсказал Сабине, что это предположение не лишено оснований. Что, если Горьков страдает эпилепсией? Его хватил удар, и он лежит посреди комнаты, бледный и бездыханный?

Через минуту выяснилось, что Горьков не лежит, а сидит посреди гостиной, прямо на ковре, и глаза у него осоловевшие. Группа поиска поначалу единогласно решила, что референт пьян. И лишь спустя несколько минут им открылась правда.

– Здесь порожек отходит, – слабым голосом объяснил референт. – Я торопился отправить статью, зацепился носком ботинка, упал и стукнулся головой. Кажется, потерял сознание.

– Не кажется, а потерял, – прокричал Саблуков, пытаясь поднять бедолагу с пола. Сил у него явно не хватало.

Референт оказался длинным, как жердь, и каким-то вертким – так и норовил выскользнуть из рук. Его сильно тошнило, и Сабина решила, что парню необходим покой. Она велела Саблукову положить пострадавшего на диван. Однако диван оказался Горькову короток. Пришлось разложить его и уместить больного наискосок. Предварительно Сабина достала из ящика подушку и одеяло и накрыла референта до самого горла.

К счастью, Вадим был в состоянии разговаривать и объяснил, где находится злосчастная статья. Канадский представитель бросился к компьютеру и, отослав текст по электронной почте своему помощнику, без сил повалился в кресло.

– Спазмы так и не проходят, – несколько обиженным тоном сообщил он Сабине, в голове которой проносились видения тарелок, полных мясных рулетов, куриных потрошков и рыбных тефтелей.

Она полезла в сумочку, достала оттуда распечатку своей диеты и еще раз уточнила, что ей можно съесть на обед. Хотя и так все отлично помнила: два яйца, листовой салат, помидор. А поскольку время обеда давно прошло, был соблазн сразу и поужинать.

Сабина отправилась на кухню и наткнулась на утреннее блюдо с пирогами. Преодолев порыв проглотить хотя бы один, она решительно открыла холодильник. Там в специальных ячейках лежали крупные белые яйца в матовой скорлупе. Она вытащила две штуки, положила их в кастрюльку с водой и поставила на плиту. Тотчас явился Саблуков и уже внаглую потребовал коньяка. Сабина ему напомнила, что она тут вовсе не хозяйка, а Саблуков заявил, что раз она варит для себя яйца, то вполне может поискать для него коньяк. Она пошла искать и нашла целый бар, где имелись в наличии все мыслимые и немыслимые алкогольные напитки. Налив на два пальца темно-янтарной жидкости в пузатую рюмку на короткой ножке, она отнесла ее Саблукову на кухню, велев ему следить за яйцами.

– Слышите, телефон звонит? Я буду разговаривать и могу забыть про кастрюльку.

Саблуков пообещал все сделать, но за это потребовал всю бутылку коньяка целиком. Сабине было не до споров. Пройдя мимо постанывающего Горькова в гостиную, она сняла телефонную трубку, истово надеясь, что звонит хозяин квартиры. Надеялась она напрасно.

– Сабина? Это консьерж. – Голос был приглушенным, словно парень боялся, что его подслушают. – Тут такое дело... В общем, к вам поднимается Жужи.

– Какая Жужи? – опешила Сабина. – Собака, что ли?

Консьерж булькнул и ответил:

– Это не собака, а женщина. Она... В общем, у Сергея Филипповича некоторое время проживала...

– Вот черт, – пробормотала Сабина и напряженно спросила: – И что? Что я должна с ней делать?

– Я не знаю, – растерялся консьерж.

– Но ведь вы зачем-то мне позвонили! – укорила она его. – Эта Жужи хоть раз приходила после того, как босс с ней расстался?

– В том-то и дело! Она ходит и ходит... Постоянно вещи выносит. Говорит, что это – ее вещи. А экономка с ней не может справиться.

Вероятно, консьержу нравился Тверитинов и не нравилась Жужи. И он по-своему пытался оградить жильца, который давал ему щедрые чаевые, от неприятностей. Хотя бы и чужими руками. Новая помощница показалась ему женщиной с характером, и он решил на этом сыграть.

– А Сергей Филиппович что говорит, когда выносят его вещи?

– Тю-ю-ю! – протянул консьерж. – Он совершенно не умеет обращаться с дамами. Они делают что хотят.

«Они делают что хотят!» – возмущенно повторила про себя Сабина, швырнув трубку на место. В замке уже ворочался ключ, который Жужи, похоже, не желала возвращать хозяйину. И почему этот тюфяк до сих пор не поменял замки?!

Сабина отступила в глубину квартиры, поспешно отыскивая в своем мобильнике номер экономки, который еще утром занесла в электронную память.

Объясняться было некогда, и, как только абонент ответил, с места в карьер заявила:

– Людмила Степановна, к нам ломится Жужи. Что делать?

Экономка запричитала и заохала. С Жужи, оказывается, не было никакого сладу. Ни одной ее вещи, разумеется, в квартире не осталось, но она продолжала совершать набеги и разбойничать на территории, которую ее не так давно попросили освободить.

– Откуда такое странное имя? – не удержалась и спросила Сабина.

– У нее венгерские корни, – объяснила экономка. – И еще она необыкновенно красивая.

Сабине в голову неожиданно пришла блестящая мысль. Если эта необыкновенно красивая Жужи придет и увидит, что ее место заняла другая хищница, она отстанет. Нужно только как следует ее припугнуть. Жужи должна распахнуть дверь и сразу понять, что ей тут больше ничего не обломится. Роль хищницы Сабина, разумеется, доверила себе. Для наглядности она стащила с себя кофточку, оставшись в юбке, черных колготках и черном бюстгальтере. Вставила сигарету в длинный мундштук, которой попался ей под руку, и уселась в кресло в кабине, задрав подол повыше и закинув ноги на стол.

Тем временем внизу произошло вот что. Красавица Жужи задержалась возле лифта, чтобы подкрасить губки и поговорить по телефону с лучшей подругой, позвонившей ей на сотовый. Пока она болтала и чистила перышки, к дому подъехал злой и раздраженный Тверитинов, который только что неудачно провел переговоры. Войдя в подъезд, он двинулся к лифту и тут наткнулся на свою бывшую подружку. Страшно рассердился, повысил голос, отобрал у нее ключи и выставил ее на улицу.

Консьерж был на седьмом небе. Жужи относилась к нему снисходительно, а однажды, когда он выскочил из-за конторки и подбежал открыть ей дверь, окатила его презрением.

Уставший, голодный и злой, хозяин дома поднялся на свой этаж, немного погремел ключами и распахнул дверь. Возле коврика стояли короткие сапожки его новой помощницы – он отлично их запомнил – и две пары мужских ботинок. Щеголеватые остроносые и практичные тупорылые.

Он отшвырнул портфель с документами, скинул пальто прямо на тумбочку и, неслышно ступая, двинулся по коридору. За поворотом ему открылся вид на кухню, и тут Тверитинов

увидел, что там на табуретке восседает незнакомый плешивый мужик и пьет его коньяк, наливая себе в пузатую рюмку. Рядом на столе стоит блюдо с двумя очищенными яйцами. Почему-то эти яйца его особенно завели.

– Что здесь происходит? – отрывисто бросил он, встав на пороге и сощурился.

Плешивый повернул голову и заплетающимся языком сказал:

– Не. Ваше. Дело. – И налил себе еще.

Тверитинов хотел взять негодя за шиворот и выкинуть его вон, но тут услышал, что из комнаты доносится тихий храп.

Шагнув в гостиную и побледнев от гнева – на диване лицом к стене лежал еще один мужик – его ноги в полосатых носках торчали из-под одеяла. Его одеяла! В его собственном пододеяльнике с зелеными цветочками.

«Она уволена», – решил про себя Тверитинов и прислушался. За дверью кабинета его помощница напевала жиденьким голоском: «Любовь мне голову вскружила-а-а... И на лопатки уложила-а-а...» Он подошел и рванул дверь на себя.

Сабина сидела в кресле, задрала ноги на стол, и курила сигарету через его именную мундштук. Кроме юбки, чулок и черного кружевного лифчика на ней ничего не было.

– Вы уволены, – повторил Тверитинов вслух.

– Сергей Филиппович! – удивленно воскликнула помощница, скинув конечности на ковер и распахнув глаза. – Это вы?!

– А вы кого ждали? Брэда Питта?

– Я вам сейчас все объясню!

– Я и так все прекрасно понял, – отчеканил он. – Вы с самого начала показались мне ненадежной, легкомысленной авантюристкой!

– Ну да? – спросила она с удивлением. Тверитинов мог бы поклясться, что эти слова ей понравились. – Я в самом деле выгляжу легкомысленной?

– Сейчас особенно. А когда утром я давал вам задание, вы красили губы.

– Я не думала, что вы заметите.

– Я заметил. – Он старался не смотреть на нее, но из этого совсем ничего не получалось. Как можно устраивать выволочку и смотреть при этом в сторону? – Собирайте свои вещички. И не возражайте, – пресек он ее попытку объясниться.

– Очень глупо, – сердито сказала Сабина. – Потом, когда все выяснится, вы будете жалеть.

– Не буду.

– Еще попросите меня вернуться.

Она вытащила сигарету из мундштука и загасила ее в красивой морской раковине, которую Тверитинов привез из круиза и очень любил. Потом встала и, раздосадованная, покинула кабинет.

– Куда это вы идете? – спросил босс, следуя за Сабиной по пятам. Спина у нее была выпрямлена и дышала праведным гневом.

– На кухню, – ответила та, не оборачиваясь. – Я сегодня работала без обеда и заслужила кусок хлеба перед увольнением.

Возмущенный, он отправился за ней, не зная, как ее остановить. Вырвать кусок хлеба у нее изо рта? Она вошла в кухню и сразу же двинулась к столу, за которым сидел плешивый мужик.

– Безобразие! – воскликнул тот, повернув ко вновь прибывшим просветленную физиономию. – Видели, на какой дрянной бумаге печатают бутылочные этикетки? А от чего зависит качество бумаги? – назидательно спросил он и сам же себе с большим чувством ответил: – От гладкости и высокой степени непрозрачности.

– Кто это? – спросил озадаченный Тверитинов.

– Канадский представитель, – коротко ответила Сабина. Повернулась к Тверитинову и обиженно добавила: – Я решила вам помочь, а вы... Даже не хотите разобраться! Какой же вы после этого руководитель?

Тверитинов молча смотрел на нее. Он мог бы поклясться здоровьем любимой бабушки, что только что на тарелке перед ней лежало два вареных яйца, очищенных от скорлупы. Сейчас их там не было. Невозможно было представить, чтобы человек так быстро проглотил яйца. Она же, в конце концов, не пеликан.

– Вы хотели поесть, – кинул он пробный камень.

– Я поела, – ответила Сабина. К ее нижней губе прилип кусочек желтка.

Тверитинов моргнул и сказал:

– Вижу, вы безумно проголодались. Может быть, хотите чего-нибудь... еще?

Сабина посмотрела на него с некоторой опаской:

– А у вас есть помидор?

– В холодильнике, внизу.

Не говоря ни слова, она с головой нырнула в холодильник, достала помидор, вымыла его под краном и съела буквально в три укуса, захлебываясь вытекающим соком. Вытерла рот рукой и только потом заметила, как он на нее смотрит.

– Все-таки не хотите узнать, что тут произошло?

– Я полюбил эту женщину! – воскликнул со своего места Саблуков. – Она подобрала меня, несчастного, и привезла сюда. Я так хотел коньяка... Она налила мне и приласкала... – Он влажными глазами посмотрел на Сабину. – Я люблю вас! И очень хочу в уборную.

Саблуков встал и покинул кухню, оттолкнув Тверитинова плечом. В этот момент позвонили в дверь, и тот размахистым шагом отправился открывать, бросив:

– Выметайтесь вдвоем. – Тотчас вспомнил про полосатые носки под его одеялом и через плечо крикнул: – Втроем.

– Вы не выпили витамины! – вслед ему сказала Сабина, отчаянно жалея, что в холодильнике нет зеленого салата. Салат входил в обеденное меню, а она готова была съесть сейчас даже клевер.

Звонок продолжал надрываться, и хозяин рывком распахнул дверь. На пороге стоял Николай Безъязыков, занимавший в «Бумажной птице» должность главного менеджера по работе с клиентами. Он был невысок, но строен и отличался вкрадчивыми манерами. Хитрые раскосые глаза и длинные волосы, собранные в «хвост», делали его похожим на женщину. В руках он держал пластиковую папку, из которой лезли договора, разбухшие от скрепок.

– Сергей Филиппович, – тоном обиженного ребенка протянул он. – Надо ведь подписать!

– Извини, Николай, я не успел сегодня заехать на фирму.

– А дозвониться вам было невозможно! – крикнула из кухни Сабина. Она не верила, что ее уволили всерьез, иначе уже наелась бы экономкиных пирогов, которые так и просились в рот.

– Мой телефон постоянно включен, – сердито ответил Тверитинов, быстро возвращаясь на кухню.

Безъязыков, кряхтя, стащил с себя ботинки и прямо в куртке двинулся вслед за ним. Увидев возле холодильника незнакомую женщину в лифчике, он оторопело застыл на пороге.

– Телефон не работал! – запальчиво сказала та, не замечая менеджера в упор. Она была упоена спором.

– У меня всегда все работает, потому что я люблю порядок.

– Ерунда! – возразила Сабина. – Вот порожек в комнате у вас плохо прибит. Люди падают и разбивают себе головы.

– Вы что, упали? – с опаской спросил Тверитинов.

Порожек в самом деле отходил, и он постоянно давал себе слово, что займется им, но каждый день уставал как собака и все откладывал и откладывал.

– Я не упала, а вот...

– И почему вы навели сюда столько народу? Какой-то тип из Канады? Почему из Канады, когда он отлично разговаривает по-русски... И кто это лежит на моем диване, хотелось бы мне знать?!

– Это ваш референт.

– Вы шутите?!

– Почему вы постоянно орете? – спросила Сабина, передернув плечами. – Горьков должен был отправить вашу статью господину Саблукову для международного сборника, который издают в Канаде. Об этом вы знаете?

– Об этом знаю, – уже спокойнее ответил Тверитинов. Он догадался, что все понял неправильно, и теперь на его щеках кирпичными пятнами проступило скупое раскаяние.

– Референт приехал к вам, споткнулся о порожек, упал и потерял сознание.

– Очнулся – гипс, – совершенно естественным образом закончил Безъязыков.

На него, впрочем, никто не обратил внимания.

– Саблуков, которому отчаянно нужна была эта статья, поднял на ноги всех, кого только мог. Как ваша помощница, я посчитала своим долгом взять на себя ответственность и привезла его сюда – искать статью.

– И где он сейчас? – спросил Тверитинов.

– Я здесь! – крикнули из уборной.

И канадский представитель вывалился в коридор, застегивая штаны.

– Это Саблуков?

– Сергей Филиппович, – снова жалобно заныл менеджер. – Договора бы подписать...

– Я должен их просмотреть, – резко ответил тот. – Оставляй, я через пару часов приеду на фирму и привезу. Кстати, познакомься, это моя личная помощница Сабина Брусницына. Мне ее рекомендовали как высокого профессионала, – добавил он.

– Здравь-сь-те, – пробормотал Безъязыков, отводя хитрые глаза.

Поскольку помощница была полураздета, замечание Тверитинова о ее профессионализме прозвучало как-то двусмысленно. Менеджер пристроил папку на холодильник, попятился, кое-как надел ботинки и улизнул из квартиры. Никто с ним не попрощался.

– И все-таки. Где мой референт? – спохватился Тверитинов.

– Лежит на диване в гостиной. Думаю, у него сотрясение мозга и его нужно отвезти в больницу, – ответила Сабина, решив, что буря миновала.

– Почему же вы не отвезли? – придрался он уже по инерции.

– Потому что явилась ваша Жужи. Я хотела с ней поговорить по душам.

– Господи боже мой! – опять перешел на повышенный тон Тверитинов. – С какой стати вы собирались с ней разговаривать?! Какое вам дело до Жужи?!

– А зачем она пришла? – упрямо спросила Сабина. – Кроме того, я ваша личная помощница. А помощники обязаны помогать.

– Не говорите глупостей. Когда вы отдаете белье в прачечную, то вовсе не хотите, чтобы прачка вышивала на нем узоры. Занимайтесь своим делом – и точка. Не лезьте в мою частную жизнь.

Сабина хотела надуться и тут неожиданно заметила, что сверху на ней ничего нет, кроме лифчика. Вместо того чтобы вскрикнуть и выбежать вон, испуганно вращая глазами, она набросилась на Тверитинова:

– Я от вас с ума сойду! Пришли и сразу устроили скандал. Неужели трудно было сказать, что я забыла надеть кофточку?!

– Мне и в голову не пришло, что вы забыли. По-моему, любой нормальный человек знает, что на нем надето.

– Значит, вы считаете, что я специально разоблачилась к вашему приходу?!

Она рванулась к выходу из кухни. Но для того, чтобы ретироваться, нужно было как-то потеснить оппонента.

– А разве нет? – насмешливо спросил он, радуясь, что снова оказался хозяином положения и ему не придется извиняться. Извиняться Тверитинов не любил, считая, что другие расценят это как проявление слабости.

– Что бы вы себе ни думали, это неправда, – сказала Сабина. – У меня нет никакого желания примешивать к рабочим отношениям всякие эмоции. Кроме того, вы не в моем вкусе.

– Вы врете. Я нравлюсь всем женщинам. – У босса было омерзительное выражение лица, которое провоцировало и дальше говорить ему гадости.

Сабина уже раскрыла рот, но вовремя вспомнила о том, что она – высокий профессионал, и замолчала. Как это она позволила себе так разойтись? Если бы Петька услышал, он бы убил ее.

– Разрешите мне пройти, – мрачно потребовала она.

– А я вам не мешаю.

На самом деле он ей мешал. Для прохода оставалась узкая щель, через которую можно было протиснуться только бочком. Разгневанная, Сабина полезла в нее, оказавшись на мгновение лицом к лицу с Тверитиновым. Условно говоря. Он был значительно выше и смотрел на нее сверху с дурацкой ухмылкой. У него был колючий пиджак, от которого слабо пахло табаком, и жесткий ремень, поцарапавший ей живот. Она ойкнула, но не стала останавливаться. Прошла по коридору, нырнула в кабинет и натянула кофточку, сердясь на себя, на своего босса, на всех на свете.

Дневник Ани Варламовой, завернутый в пакет, лежал под ее сумочкой. У Сабины не было времени прочитать записи до конца, зато она успела замаскировать опасную находку. Купила в киоске другой блокнот, подходивший по размеру, оторвала обложку и вложила в нее дневник. Его собственную, яркую, блестящую обложку пришлось выбросить. Теперь уж точно не вернешь находку в спальню Тверитинова. Кроме того, вряд ли удастся приклеить ее скотчем на прежнее место. Технически сделать это очень сложно, шкаф так устроен: дно довольно высоко, а к полу опускается низкая резная планка. У нее точно ничего не выйдет, так что не стоит и пытаться. Самое главное, чтобы сегодня Тверитинов не хватился пропажи. Позже будет невозможно связать исчезновение дневника с появлением в доме новой помощницы. Если он вообще знает о дневнике.

Сабине страстно захотелось прочитать, что еще думала Аня Варламова о своем боссе. Первая ее запись весьма оптимистична. Но кто знает, что будет потом? Сабина украдкой взглянула на дверь. Тверитинов думает, что она здесь одевается, поэтому не ворвется без предупреждения. В запасе есть несколько минут.

Сабина достала дневник и перевернула первые страницы. У предыдущей помощницы был свободный, очень разборчивый почерк. Записи читались легко, без запинки.

– На чем я остановилась? – пробормотала Сабина, бегая глазами по строчкам. – А, вот. Нашла.

«Сегодня со мной произошла ужасная история. До сих пор не могу прийти в себя. С. Ф. попросил принести несколько фирменных блокнотов, завернуть их в подарочную упаковку и положить ему на стол. Я отправилась к секретарше, но она уже ушла, и я решила, что запросто могу попросить блокноты у кого-нибудь из производственного отдела – у них всегда есть в запасе парочка образцов.

Я спустилась по лестнице вниз, рассчитывая поговорить с Чагиным, но того не было на месте. А из-за двери в маленькую комнату, которую все называют кафельной, доносились

голоса – мужские. Мужчины спорили, по крайней мере, разговаривали на повышенных тонах. Мне показалось, что один голос принадлежит Чагину, но я и сейчас в этом не совсем уверена. Я подкралась поближе и тут услышала нечто ужасное!

Первый голос говорил, что нужно придумать какой-то другой план, потому что, если разделаться с НИМ здесь, будет слишком много грязи. А следы оставлять опасно. На что второй отвечал, что ничего страшного, у него есть человек, который со всем справится. А если останутся следы, он их лично уничтожит. Кроме того, стены там из плитки, а она отлично моется.

Я сразу подумала, что эти люди задумали кого-то убить! Хотя они и не произносили слово «убийство». Но зато было сказано: «разделаться с ним». У меня от страха подкосились ноги. Мне захотелось немедленно испариться. И тут я дала маху. Нужно было осторожно отойти от двери, подняться по лестнице и тихо выйти. Потом где-нибудь спрятаться и понаблюдать. Тогда я узнала бы наверняка, кто были те двое. Ноя до ужаса испугалась, побежала и споткнулась на лестнице. Загремела, как кастрюля... Кажется, они успели меня увидеть, когда выскочили на шум... Или же они ничего не увидели? Я ведь буквально взлетела наверх! Господи, хоть бы не увидели.

Теперь я не знаю, что делать. Рассказать С. Ф.? А может быть, Патрику? Конечно, расскажу Патрику. И С. Ф. Или никому не рассказывать?».

Сабина сидела на диване, тупо уставившись в блокнот. Убийство?! Она ожидала чего угодно – разоблачения финансовых махинаций, бурного выражения чувств... Но такого?

Из-за двери между тем слышались голоса, какой-то шум и шаги. Они были громкими, словно кто-то специально топал, возвещая о своем приближении. Наконец шаги замерли, и голос Тверитинова спросил:

– Сабина, вы оделись? Нужна ваша помощь.

Она молниеносно спрятала дневник обратно в пакет, прыгнула к двери и поспешно ее открыла, улыбаясь широко и оптимистично. Однако голос ее подвел, и она тонко проблеяла:

– Чем я могу вам помочь?

Именно так построила бы фразу какая-нибудь иностранка, изучающая русский на вечерних курсах.

Тверитинов смотрел на Сабину сверху вниз, не мигая. Была у него такая привычка. С помощью этого трюка он всегда получал дополнительные очки, потому что под прямым и неподвижным взглядом люди обычно начинают нервничать.

Сабина тоже нервничала. Особенно сейчас. Ведь она только что узнала, что на его фирме творятся страшные вещи – знает об этом Тверитинов или нет?

Впрочем, паниковать рано: Аня Варламова могла и ошибаться. В конце концов, она сама подчеркнула, что никто не произносил слово «убийство». Кроме того, планировать убийство и даже говорить о нем – совсем не то, что отважиться на него. Слишком страшное это дело.

Нет, нужно немедленно дочитать дневник до конца. Сабина чувствовала себя так, словно ей всучили горячий пирожок, а она не смеет перекинуть его из руки в руку. Вероятно, ожог будет сильным, очень сильным.

– Приехал врач, он настаивает на госпитализации, – сказал Тверитинов. – Я помогу Вадиму дойти до машины. Вы можете подержать дверь?

– Разумеется, – засуетилась Сабина. Уложив референта на диван и накрыв его одеялом, она решила, что сделала для него все возможное, и теперь испытывала неловкость.

У нее были и другие причины испытывать неловкость. Она только что ходила перед новым боссом полуголой. Орала на него. Ела продукты из его холодильника. И она подозревает его в ужасных вещах.

– Я тоже уезжаю, – сообщил Тверитинов, оглянувшись на нее через плечо. – На сегодня вы свободны. Отправляйтесь домой. И заберите с собой вашего представителя.

– Да нет же, это ваш представитель! – возмутилась Сабина.

– Но коньяком его поили вы, – парировал тот. – Так что он целиком на вашей совести.

Сабина обреченно вздохнула. Саблуков, восплаивший к ней любовью, по-прежнему обретался на кухне, и выкурить его оттуда наверняка будет непросто. Поймав ее взгляд, Тверитинов ворчливо добавил:

– Я вызвал для него такси, оно уже у подъезда. Когда спущусь, назову шоферу его адрес и оплачу поездку. Ваша задача – спустить канадского представителя вниз. Если не получится, призовите на помощь консьержа – он безумно чуткий.

– Спасибо, – выдохнула Сабина.

К ее великому облегчению, Саблуков безропотно оделся и отправился восвояси, напоследок оторвав этикетку от опустевшей бутылки коньяка. Из окна такси он махал ей рукой и даже завел какие-то стихи, но таксист нажал на газ, и поэтические строки потонули в реве мотора.

Сабина несколько секунд стояла на месте, провожая глазами умчавшийся автомобиль, после чего развернулась и бросилась обратно в квартиру. Там ее ждал дневник Ани. Сейчас самое время присобачить его на место, к дну шкафа. Вначале прочитать и потом присобачить. Может быть, зря она выбросила обложку?

Через несколько минут Сабина поняла, что у нее в любом случае нет шансов. Дверь спальни Тверитинова оказалась заперта. Не закрыта, а именно заперта. На ключ. Она даже вообразила себе этот ключ – длинный и холодный, с затейливой бородкой, покоящийся в глубине кармана вместе с завалившейся мелочью и чеком с бензоколонки. Все понятно: Тверитинов ей не доверяет. Неужели понял, что она заходила внутрь? Внезапная догадка заставила ее покрыться холодным потом. В спальне наверняка установлены камеры слежения, и новый босс видел, как она валялась на его кровати!

Нет, вряд ли. Тогда бы он уж точно ее уволил. И знал бы про то, что она стащила дневник. А он, конечно же, не знает, раз спокойно уехал.

Наконец-то можно дочитать все до конца, не опасаясь, что тебя схватят за руку. Сабина села на диван, но даже не откинулась на спинку – так была напряжена. Строчки прыгали перед глазами, и ей пришлось прижать нужную указательным пальцем.

«Я рассказала Патрику про кафельную комнату. Он страшно расстроился и целый вечер переживал. Потом предложил мне обратиться в «русскую полицию». Потому что я дорога ему и он боится, как бы со мной чего не случилось. Весь следующий день он звонил мне через каждые полчаса – беспокоился. Но мне почему-то не хочется обращаться в органы. Представляю, что будет, когда менты заявятся в офис и начнут всех допрашивать! А я буду выглядеть Павликом Морозовым. Ужасно.

Хотела выложить все С. Ф., но из-за того, что я забыла сообщить ему про какой-то дурацкий звонок из Дании, он на меня злится».

Следующая запись была сделана другой ручкой. И вообще сильно отличалась от предыдущей – почерк изменился, и буквы плясали папуасский танец, наскакывая друг на друга.

«И как я раньше ничего не замечала?! Стоило только заподозрить неладное, как все странности сразу полезли наружу! Здесь происходит нечто нехорошее, я интуитивно чувствую. С этой эксклюзивной бумагой что-то не так. Теперь я никому не доверяю, даже Эмме, которая обо мне печется. И зачем только меня занесло на эту работу?! Впрочем, в противном случае я бы не познакомилась с Патриком! Мы столкнулись на улице, когда я выходила после собеседования. Тверитинов подписал приказ о моем зачислении в штат, и у меня голова шла кругом. Патрик едва не сшиб меня своим автомобилем. Он был такой шикарный! Они оба были шикарными: и автомобиль, и водитель. Я даже вообразить не могла, что красавчик американец на меня упадет! Но теперь у нас все серьезно.

Патрик страшно волнуется за меня. Он живет здесь уже полгода и наслышан о русской мафии. Ему кажется, что мне нужно или написать заявление в КГБ, или уволиться. Об увольнении я и сама подумываю. Но С. Ф. слишком хорошо платит, и другого места с подобным окладом у меня на примете пока что нет. А если я скажу Патрику, что мне не на что жить, он подумает, будто я нацелилась на его деньги».

Когда Сабина прочитала фразу: «С этой эксклюзивной бумагой что-то не так», у нее окончательно испортилось настроение. Вот она, расплата за авантюризм! Петька просто скотина, что заставил ее уволиться из «Альфы и омеги», да еще со скандалом. А она – идиотка, которая пошла на поводу у собственных слюнявых эмоций. Буриманов тоже хорош! Семь лет прятался в своем Медведкове и вдруг – нате вам! – вылез с признаниями. И ее жизнь полетела кувырком.

«ЭТО происходит каждый четверг в одно и то же время – с пяти до половины шестого. ОН целый день отсутствует, а потом приезжает с «дипломатом» и сразу же уносит его в кафельную комнату. Запирается там и долго не выходит.

Вчера был четверг. Я подготовилась по всем правилам. Самое главное – мне удалось сделать дубликат ключа. Потому что дверь теперь постоянно заперта на замок. Уж не потому ли, что меня все-таки видели тогда на лестнице?

На этот раз я спряталась в нише за металлическими шкапами и просидела там почти час. Неприятный момент: явился Безъязыков и стал копаться в одном из шкафов. Он сначала садился на корточки, а потом принялся искать что-то на самом верху. Я боялась, что он притащит стул или стремянку и ухитрится меня заметить.

К кафельной комнате он не подходил. Ничего не знает? Или наоборот – знает ВСЕ?

Наконец Безъязыков убрался, а я поняла, что сильно замерзла. Да и ноги затекли. Стала себя ругать: и куда я лезу? Мне что, больше всех надо? Но удержаться просто не хватило сил: так хотелось узнать, что творится за этой дверью. Если темные дела, я должна добыть доказательства. Клянусь, что сразу пойду в милицию. Патрику о моем подвиге заранее сообщать не стала.

Постоянно думаю о том, чтобы рассказать обо всем С. Ф. Но Патрик говорит, что С. Ф. доверять тоже нельзя: ведь фирма его! С этим я согласна.

Наконец ОН вышел. «Дипломат» по-прежнему был у него в руках, а из комнаты, которую он за собой запер, доносился какой-то странный запах. ОН поднялся по лестнице и захлопнул внешнюю дверь, которая противно лязгнула. Я некоторое время выжидала, потом достала ключ и подкралась к кафельной комнате. Клянусь, пока я ее открывала, сто раз готова была дать деру.

А какого страха я натерпелась, когда вошла! Пришлось запереться изнутри, чтобы меня случайно никто не обнаружил. Слава богу, что свет можно было включать, не опасаясь: ни одной щелки там нет. Запах сразу ударил в нос. Действительно, омерзительный! Ни с чем не могу его сравнить. Паленая тухлятина? Как только я вспомнила, о чем здесь разговаривали те двое, так меня дрожь пробила до самого копчика. Я стала осматриваться и сначала не заметила ничего особенного. Комната почти пустая: туда складывают свободные емкости и подсобные материалы. А потом я увидела корзину для мусора. В ней был пластиковый пакет, завязанный тугим узлом. Развязала его и увидела жутко неприятные вещи, назначение которых не могу объяснить: хирургические перчатки, респиратор и большой стальной пинцет. Для чего они понадобились? И вообще, имеют ли они отношение к тому разговору об убийстве? Я сложила находки в другой пакет, свой собственный, и принесла домой. Что теперь с ними делать? Улики это или нет? Идти в милицию или не позориться?»

Сабина поняла, что ей нужно выпить воды. В горле пересохло, и язык казался шуршащей пергаментной полоской, прилипающей к небу. На ослабевших ногах она отправилась на кухню. Перед ее мысленным взором кружились хирургические перчатки, скользкие, как слизи, и такого же неопределенного цвета. А еще пинцет – длинный стальной аллигатор, которому все равно, что сжимать в зубах. Респиратор, похожий на собачий намордник. И запах... В кафельной комнате что-то жгли, и там пахло паленой тухлятиной.

Девчонка, которая работала здесь до нее, оказалась очень храброй. Сама Сабина никогда в жизни не отважилась бы забраться в такое место, куда ходит ОН – каждый четверг, в одно и то же время. Кто такой – ОН? Не Тверитинов, это точно. Потому что Тверитинова Аня называла в своем дневнике – С. Ф. И на том спасибо.

Пирогов больше совсем не хотелось. Впрочем, как и яиц, и мяса, и салата. Желудок был полон под завязку этими чертовыми перчатками, респиратором и пинцетом. Они стояли возле самого горла, и даже огромная кружка воды не помогла протолкнуть их внутрь.

Но ведь в дневнике еще оставались записи. Возвратившись в кабинет, Сабина протянула к нему руки...

И в этот момент ее мобильный телефон встрепенулся и заиграл веселую песенку: «Дули-вули-вэли, все мышки запели, дули-вули-вас, они пустились в пляс». Именно эта песенка звучала, когда звонил неизвестный абонент. Абонент, чей номер не занесен в электронную телефонную книгу.

Она нажала на кнопку и тотчас услышала странно знакомый голос, который поначалу не узнала. Мужской голос:

– Алло, Сабина?

– Я слушаю.

– Добрый вечер, это Максим Колодник. Вы меня помните?

У Сабины сразу потеплело на душе.

– Как я могу забыть человека, который спас меня от нападения сумасшедшего?

– Извините, что воспользовался служебным положением, вы ведь не дали мне номер своего телефона...

Вероятно, он узнал номер у Эммы, которой наверняка не понравился подобный расклад. Ну и черт с ней.

– Я просто не успела, – засмеялась она. – Не представляете, что тут было с этим канадским представителем! Он перебрал коньяка и устроил целое представление.

– Может быть, мы поужинаем вместе? – быстро спросил Максим. – И вы мне все расскажете.

Сабина на секунду замаялась. Следовало сообразить, достаточно ли прилично она выглядит для ужина с мужчиной. Однако ее собеседник расценил заминку по-своему.

– Это не свидание, – поспешно пояснил он. – Если вам не хочется, чтобы это было свиданием, мы просто вместе поедим, хорошо? По-дружески.

– Хорошо, – тотчас согласилась Сабина. – Но тогда нам придется перейти на «ты».

– Заметано.

– А ты где? – Она осторожно опробовала это новое местоимение, потрогав его кончиком языка и прижав к зубам.

– Вообще-то я под окнами во дворе у Сергея. Здесь, на Огородном. Я знал, что ты еще не уехала. Разговаривал с ним по телефону, и он случайно обмолвился... Вот я и подумал, что ты, наверное, тоже не ужинала...

Сабина мгновенно забыла про дневник, про свои страхи, про все на свете. Она вообразила романтический ужин. Фетгучине с сердцевинной артишока, нагретой в оливковом масле; мидии, тушенные в белом вине; коктейль ритц-физз, украшенный лепестком розы, и сабайон на сладкое. Разумеется, они отправятся в шикарный ресторан.

Впрочем, это ведь не свидание! Тогда пусть будет что-нибудь простое. Бифштекс по-гамбургски, чашка кофе и булочка с корицей. Весьма демократично, сытно и не обременительно для кошелька. Главное, что рядом окажется весьма симпатичный спутник.

Максим ей понравился. Из-за Буриманова, вернее, из-за комплексов, которыми Сабина обросла после их разрыва, у нее никак не складывалась личная жизнь. Возможно, теперь она почувствует себя, наконец, свободной и счастливой.

Он ждал ее возле подъезда. На нем был все тот же короткий плащ, но в руке вместо портфеля он держал розу. Одну красную розу на длинном стебле – раскрывшуюся, томную и сладкую.

– Ты же сказал, что это не свидание, – просияла ему навстречу Сабина, – а дружеский ужин.

– Так и есть. Мы отправляемся утолить голод, как друзья. Твою машину оставим здесь, поедем на моей. Я не заказывал столик в ресторане и даже не знаю, какое место выбрать.

– Значит, будем совещаться.

Они долго совещались и решили, что судьба сама должна распорядиться сегодняшним вечером. Купили в киоске старый журнал со списком ресторанов и кафе и, хохоча, попросили киоскершу ткнуть пальцем в какое-нибудь название.

Та высунула руку из своего окошка и ногтем отчеркнула то, что пришлось ей по душе. Рука оказалась большущей, а ногти – накладными, кроваво-красными и блестящими. Сабина не удержалась, наклонилась и заглянула внутрь. Киоскерша улыбалась. Как Сабине показалось, коварно. И похожа она была на цыганку или прорицательницу: полная женщина с кудрявыми черными волосами и пронзительным взглядом. «Она отправит нас в какую-нибудь дыру», – подумала Сабина и ошиблась.

– Ресторан «Пасадобль», – вслух прочитал Максим, поднеся журнал к глазам. – Недалеко от метро «Маяковская», в переулке. Отличный выбор! Будем следовать зову судьбы.

Сабина молча мотнула головой в знак согласия. Она растерялась. Дело в том, что «Пасадобль» находился как раз возле «Альфы и омеги», и, насколько она знала, сегодня там соби-рался руководящий состав фирмы для того, чтобы отпраздновать юбилей главного бухгалтера.

Сначала Сабина хотела сказать, что им лучше выбрать другой ресторан, но у Максима было такое вдохновенное лицо, что она не посмела. В конце концов, судьба так судьба. Авантюры так авантюры. И они поехали в «Пасадобль».

Ресторан был забит до отказа, и их попросили подождать за барной стойкой, пока освободится столик. Максим заказал выпивку, а Сабина отправилась освежиться.

В туалетной комнате перед зеркалом причесывалась мадам Кологривова. Сегодня она надела открытое платье с блестками на лифе, а на тонкие губы наложила несколько слоев помады, чтобы сделать их более аппетитными. Впрочем, вряд ли кто-нибудь захочет сорвать с них поцелуй. К такому жесткому рту мужчина прижимается только в одном случае – если делает искусственное дыхание.

Прикрыв лицо рукой, Сабина скользнула в кабинку и стояла там целых пять минут, то и дело нервно хихикая. Наконец выбралась наружу, увидела, что горизонт чист, полезла в сумочку за расческой и тут наткнулась на сложенный вчетверо листок. Похолодевшими пальцами она извлекла его из сумочки и развернула.

«Ужин, – было написано там. – *Кусок нежирного вареного мяса, листовой салат*».

Перед мысленным взором Сабины пронеслось видение Димы Буриманова, который говорил: «Ты не способна на безрассудство». Затем появилась Эмма Грушина со своим коронным заявлением: «Ваша Сабина нам не подходит. Она слишком толстая». Сердитое лицо Тверитинова: «Вы еще не ездили в типографию?!» И корявая строчка из дневника Ани Варламовой: «С этой эксклюзивной бумагой что-то не так».

Что-то не так. А что – не так, она никогда не узнает, если сейчас выпьет коктейль – крошенный лед, кампари, персиковый бренди, яичный белок и лимонная долька, – а потом закажет ужин и съест его. У нее не останется шансов похудеть. Потому что первый день диеты – это первый день проверки характера. И переносить его на завтра просто нельзя.

Сабина поняла, что ей необходим совет. Позвонила матери и в двух словах обрисовала ситуацию. Та неожиданно рассердилась.

– Не выдумывай, – сказала мама. – Стоящий мужчина гораздо важнее диеты. Не забывай, что голод подавляет все остальные чувства, и к концу вечера он решит, что ты обыкновенная ледышка. Женщина должна согревать партнера, а не вгонять его в дрожь.

Сабина отключила телефон и встала перед зеркалом в профиль. Живот выглядел довольно круглым, словно она уже наелась до отвала, а над поясом нависала жировая складка, до того неприличная, что хотелось ее немедленно извести. Но как? Пуститься в пляс и скакать до тех пор, пока живот не подтянется? Скакать придется слишком долго. Она вздохнула и натянула кофточку пониже.

Снова достала телефон и позвонила Тамаре.

– Меня пригласили в ресторан, – сообщила она. – А я на диете. Что делать?

– Откажись от ресторана, – пробормотала та, что-то с аппетитом пережевывая. – Там же невозможно заказать пустую тарелку, верно?

– Но мы уже внутри!

Сабине было так жаль своего романтического ужина, что она едва не расплакалась.

– Я подумаю и перезвоню, – сказала Тамара и отключилась.

Она подумает! Пока она будет думать, их с Максимом проводят за столик, и бесстрастный официант раскроет перед ними меню. Возможно, он даже посоветует какое-нибудь особенное блюдо. «У нас потрясающе готовят индейку, фаршированную каштанами!» Сабина почувствовала, что во рту собралась слюна, и громко слотнула. После чего вспомнила о собственном братце, из-за которого заварилась вся эта каша, и набрала его номер.

Братец не только слушал ее, но и сопереживал.

– А нельзя попросить отварного мяса? И поужинаешь, и диету не нарушишь.

– Как ты себе это представляешь? – хмуро спросила Сабина. – Что Максим обо мне подумает? Что бы ты подумал о девушке, которую в первый раз пригласил на свидание и решил угостить, а та потребовала бы притаранить ей голого мяса?!

– С салатом, – поправил он.

– Фигня какая-то! А еще, по закону подлости, в этом «Пасадoble» гуляет вся моя прошлая работа! – негодовала Сабина.

– А зачем вы туда поперлись? – удивился Петя.

– Ты владелец фирмы, у тебя двадцать пять человек в штате, ты не можешь говорить «поперлись», – по привычке одернула она. – Как бы то ни было, но мы уже здесь, и скоро для нас освободится столик.

– Послушай, я еду по Тверской и нахожусь неподалеку. Хочешь, заверну к вам и попытаюсь все утрясти? Можешь сделать вид, что мы не знакомы. Так хочешь?

– Хочу, – злобно ответила Сабина.

Она не представляла, как можно все это утрясти. Но пусть помучается. Пусть возьмет на себя ответственность, наконец. Правда, он не поддерживал идею с диетой, но сейчас ей было не до справедливости. Она покинула туалет в отвратительном расположении духа, вернулась к своему кавалеру и попросила заказать ей минеральной воды.

– Вам с газом или без газа? – спросил бармен.

– Без ничего, – отрезала она.

Метрдотель сообщил, что столик освободился и его уже сервируют. Максим улыбнулся и не без внутреннего волнения взял Сабину за руку. У нее даже не участилось дыхание. Мама была права: она не чувствовала ничего, кроме голода.

В этот миг дверь распахнулась, и в ресторан вошел Петя Брусницын. Вероятно, на улице шел мелкий дождь, потому что брат был весь в измороси и принялся отряхиваться, как сен-бернар. Окрестные девицы, включая свободных официанток, немедленно подобрались. Отыскав взглядом сестру, он поднял брови и ухмыльнулся. Прямо пятнадцатилетний школьник, которому все парочки кажутся смешными!

Петя скинул с себя куртку, взял номерок и немедленно растворился с полумраке зала. Зал был просторным, с колоннами, с большими окнами. В центре находилась невысокая эстрада для музыкантов – в ресторане танцевали. Инструменты лежали на виду, похожие на волшебные вещицы – лакированные, полные таинственных возможностей. Один синтезатор молодо улыбался во всю пасть.

Сабина воодушевилась. Когда грянет музыка, она закружит Максима в вальсе, потеряет голову и сделает вид, что забыла о еде. Танцевать, смеяться и пить минералку, запрокидывая голову, – совсем не то, что скучно ковырять в тарелке, делая вид, будто презираешь повара. Кроме того, Петька все-таки приехал. Возможно, у него есть собственный план.

Они направились к столику, сопровождаемые официантом – прямым, как шпагоглотатель. Вокруг было сумрачно и душно. В подсвечниках, расставленных на столиках, колебались язычки пламени. Воздух напоминал густую подливку, а соблазнительные запахи лезли в ноздри и щекотали воображение. Желудок Сабины бурно выразил свою радость, ожидая подачи. Она испугалась. До сих пор у нее никогда так громко не бурчало в животе. Тут ириска, там стаканчик чаю, здесь кусочек бисквита – так все и спускалось на тормозах. Сегодня – совсем другое дело. Она честно выпила чашку несладкого кофе, в обед проглотила яйца и помидор. И это все. Вода, разумеется, не в счет.

Как назло, ее кавалер тоже оказался голоден. И поскольку не имел никаких запретов, заказал какое-то немислимое вино, пообещав, что выпьет лишь полбокала, потому как за рулем, салат со швейцарским сыром и анчоусами, рыбный воздушный пирог и карпаччо из телятины с белыми трюфелями. После чего посмотрел на Сабину ясными глазами и спросил:

– Ну а что выбрала милая дама?

Милая дама тупо смотрела в меню, где крупными буквами с издевательскими завитушками перечислялись названия пыток.

Итальянские тосты с куриной печенью Говядина, наипигованная ветчиной Ризотто с орехами и грибами...

Даже «Мучная похлебка с фасолью» показалась ей ударом под дых. Не говоря уже обо всяких сладостях, украшенных вишней и мандаринами. Откуда она могла знать, что Петя уже добрался до самого сердца ресторана и в десятый раз повторял персоналу: «Что бы она ни заказала, необходимо подать отварное мясо и зеленый салат без заправки. И минеральную воду. Что значит – если? Разумеется, кавалер будет возражать! За его возражения я вам и плачу».

Из-за отсутствия свободных мест Петю по его просьбе посадили к трем теткам гремучего возраста «слегка за сорок», которые собрались на плановый девичник. Они уже прилично выпили и свалившегося на них одинокого незнакомца с голубыми глазами восприняли как ответ на свои молитвы. Сабина могла бы позлорадствовать по этому поводу, если бы сама не оказалась прямо напротив длинного стола, за которым «обмывали» главного бухгалтера «Альфы и омеги». Веселье было в самом разгаре. Именинник сидел в центре карнавала и усердно жевал. Его окружали тарелки с нежными рыбными ломтиками, розетки с икрой и вазочки с оливками. Всего один маленький столик, занятый пожилой парой, отделял Сабину от вчерашних коллег, для расставания с которыми пришлось приложить столько усилий.

– Я, пожалуй, съем деревенский салат и телятину по-римски, – сообщила она официанту.

И в ту же секунду встретилась глазами с мадам Кологривовой. Даже не зная о роли, которую та сыграла в ее увольнении, Сабина поняла, что сейчас произойдет что-то нехорошее. Мадам поджала губы, а вернее, просто проглотила их и медленно повернулась к супругу. Тот ничего не замечал и резвился, размахивая рюмкой, подобно наивному поросенку Нуф-Нуфу, который считал, что его дом из прутьев – настоящая крепость.

Мадам Кологривова была убеждена, что видит перед собой пассию мужа. Она решила, что Сабина пришла сюда не с настоящим кавалером, а с мужниной «шестеркой». И все для того, чтобы ее супруг мог любоваться ею безо всякого стеснения.

Мадам Кологривова ненавидела любовниц мужа. Но больше всего она ненавидела, когда ее выставляли душой. Не было ни одного человека в штатном расписании «Альфы и омеги», даже самого заваливающего уборщика, который бы не знал, что вчера Валерий Федорович катался с Сабиной по полу в гостевом зале и рычал, как суматрийский тигр. Они сломали два гнутых стула в стиле Констанции фон Унрух, оборвали кружевную занавеску, привезенную с Майорки, и выдрали из-под плинтуса половое покрытие.

И после того, как она заставила мужа уволить нахалку, тот нагло притаскивает ее в ресторан! Возможно, этот гад надеялся, что супруга уедет раньше или вообще останется дома, потчевать ватрушками тетку, приехавшую из Твери погостить?

Тем временем «этот гад» после очередной проглоченной рюмки водки, дорогой и чистой, как слеза младенца, окинул взглядом зал и тоже заметил Сабину. Невидимый стрелочник перевел рычаг, и водка отправилась по отводному пути – прямо в дыхательное горло. Валерий Федорович разинул рот и громко каркнул. Водка вылетела обратно, а сам он налился кровью и принялся кашлять, содрогаясь и колотясь грудью о ребро стола.

– Это тебе не поможет, – зловещим тоном прошипела жена, и ее раздвоенный язык на секунду мелькнул во рту. – Немедленно убери девку с моих глаз!

– Но... я... не... могу... – выдавил из себя Кологривов, вытирая глаза и рот целым пуком салфеток, вырванных из подставки.

– Что ты сейчас сказа-а-а-ал?!

Никогда, никогда не видел еще Валерий Федорович такого выражения лица у своей супруги. Это был его личный фильм ужасов, при просмотре которого рубашка прилипает к спине, пропитанная обильно выступившим потом. Мадам Кологривова протянула руку и двумя пальцами взяла мужа за кадык, прыгавший над узлом галстука.

Валерий Федорович рванулся прочь, словно кот, заваливший новогоднюю елку. Вот-вот зеленая красавица во всем своем великолепии рухнет на пол, а хозяева примутся бегать за ним с тапками и кухонными полотенцами, обещая виновнику страшную смерть. Он задрал хвост трубой, а уши плотно прижал к голове.

Мысль о том, что вскоре его шкурку прибьют над камином, заставила Кологривова выскокить из-за стола, выбраться в проход и сделать несколько неуверенных шагов в направлении своего бывшего лучшего проектного менеджера. По дороге он дрожащими пальцами забрался во внутренний карман пиджака и достал деньги. Он не стал их считать, просто держал в руке растрепанной пачкой. Кологривов был искренне убежден, что все самые сложные вопросы решаются с помощью наличных – других способов выкрутиться для него просто не существовало.

Тем временем Сабина делала вид, что у нее хорошее настроение. Напротив сидел симпатичный мужчина и изо всех сил старался ей понравиться. Да что там – симпатичный. Просто мечта, а не мужчина!

– Я очень рад, что мы будем работать в одной конторе, – признался Максим. – Ну, почти в одной. Все-таки Сергей – абсолютно самостоятельная человеческая единица. С ним тебе придется непросто. С другой стороны, он обладает одним несомненным достоинством.

– Каким же? – спросила Сабина, подложив под подбородок ладонь.

Она хотела вообразить себя героиней романтического фильма и прилагала к этому определенные усилия, однако проклятый желудок продолжал ворчать, а в проходе появился Кологривов, который медленно, но неумолимо приближался.

– Мой кузен никогда не заигрывает со своими служащими. Лично мне очень нравится эта его черта. – Максим не сводил с Сабины зеленых глаз. – Особенно теперь, когда мы с тобой познакомились.

– Извините, – раздался у них над головой сдавленный голос. – Могу я к вам обратиться?

– Да-да? – спросил Максим холодным тоном. Ему явно не понравилось, что их перебили.

Тем более что тип, подошедший к столику, выглядел не слишком трезвым. Густые усы торчали в разные стороны, галстук сбился набок, потные остатки волос стояли дыбом.

– Не могли бы вы... это... уйти? – храбро заявил он, кося на Сабину тревожным взглядом в красных прожилках.

– Куда уйти? – озадачился Максим, выпрямившись на своем стуле.

Сабина с тоской поглядела по сторонам, отыскивая глазами брата. Как бы он сейчас пригодился!

– На улицу, – пояснил Кологривов. – Домой. В другой ресторан. К черту на кулички!

– Что-то я не понял... Метрдотель! – крикнул Максим.

– Да я же заплачу! – жарко заговорил несчастный Валерий Федорович, переступая с ноги на ногу и тыча в нос Сабинину спутнику пачкой денег. – Буквально сколько попросите. Понимаете ли, ее нужно отсюда убрать во что бы то ни стало! – Одними глазами он указал на Сабину, как обычно указывают на шпииков, следующих за вами по пятам. – Ей здесь нельзя находиться, это грозит мне смертельной опасностью!

– Вы говорите о моей девушке? – Максим ничего не понимал.

Сабина налила себе полный бокал минералки и выпила одним духом.

– Ваша девушка! – передразнил Кологривов, подняв глаза к потолку. – Из-за ее фантастических ног моя фирма терпит убытки, черт бы побрал мою жену.

– Он нализался, – уверенно сказал Максим, обращаясь к Сабине. – Я позабочусь о том, чтобы его отсюда вывели.

Он хотел встать, но тут как раз подросла команда спасателей, сформированная Петей Брусницым. Все три «дамы за сорок», весело щебеча, налетели на Валерия Федоровича, взяли его в «коробочку» и повлекли к своему столику, не дав бедняге ни шанса улизнуть. Пачка денег, которую он держал в руке, взметнулась вверх:

– Официант, шампанского! – пронзительно крикнула одна из одалисок.

Если бы не музыканты, которые взобрались на свой помост и неожиданно обрушили на зал заводную мелодию, наверняка стало бы слышно, как скрипит зубами мадам Кологривова.

– Забавный дядька. – Максим наклонился вперед, пытаясь перекрыть музыку. – Но каков сокол! Ухитрился разглядеть твои ноги.

Часть посетителей ресторана, та, которая уже дошла до нужной кондиции, отправилась танцевать. Вокруг помоста прыгали и подскакивали раздухарившиеся женщины и расхристаные мужчины. Сабина ничего не успела ответить, когда к столику качающейся походкой приблизился главный аналитик Песков. Он остановился рядом с Сабинкой, щелкнул каблукми и сказал:

– Как только я вас увидел... Когда я увидел вас... – Он помолчал и сформулировал по-другому: – Моя потрясающая задница в вашем полном распоряжении!

– Чего? – воскликнул Максим и вскочил на ноги. Стул отлетел в сторону и чудом удержался на ножках.

– Брось! – воскликнула Сабина. – Пойдем лучше потанцуем!

Желудок не согласился с ней, глухо заурчав. Он хотел еды, пусть даже вареного мяса. И большую гору салата, можно лежалого.

– Нет, мне нужно кое-что сказать этой заднице! – ершился Максим.

Сабина оттеснила аналитика Пескова плечом, втолкнув его в пляшущую толпу, которая немедленно унесла его куда-то на середину зала. Подошла к своему кавалеру и взяла его за руку. Словно специально для них быстрая мелодия сменилась медленной, и клавишник задышал в микрофон какие-то лирические стихи, задрожал веками и затряс кудрями, имитируя лирический экстаз.

Максим обнял Сабину за талию, а она положила руки ему на плечи. Это был очень приятный и очень интимный момент. Она почувствовала жаркое мужское дыхание на своем виске...

В этот момент администратор Величко, некоторое время ходивший кругами вокруг парочки, разрушил очарование момента. Его распаренное розовое лицо втиснулось в узкое пространство между танцующими и сообщило:

– Пас-с-сушайте! Попросите ее укусить вас за ухо. Она так кусается – зашибись! С тех пор как меня укусили, я полон эротических желаний!

Величко скрылся, громко икнув напоследок, а Максим отстранился и внимательно посмотрел Сабине в глаза:

– Ты всегда пользуешься такой популярностью у мужчин?

– Только у пьяных, – ответила та и передвинула руки. Теперь уже она обнимала его за шею, заставляя забыть обо всем остальном.

Когда песня закончилась, возле их столика возник официант с тарелками. Перед Максимом он расставил необычайной красоты блюда – с цветными подливами, веточками зелени, оливками, икринками, розочками из масла и паштета с сырной корочкой, из которой торчали кусочки запеченного лука.

Перед Сабиной оказалась большая тарелка, на которой лежало три потных салатных листа. На них был водружен серый и неаппетитный кусок отварного мяса.

– Что это? – мертвым голосом спросил Максим, указав вилкой на кулинарное недоразумение.

– Мясо по-римски, – ответил официант, хлопоча над бутылкой вина, в которой играли золотые искорки.

– Хотите сказать, в Риме едят такую гадость?!

– Едят, – подтвердил тот.

– А это, выходит, деревенский салат?!

– Разумеется. В деревне любят зелень.

– Вы меня разыгрываете.

– Ни в коем случае. – Официант был невозмутим, как дворецкий, которому достался сумасшедший хозяин.

Максим привстал и вырвал из рук проходившей мимо девушки меню в кожаном переплете. Сабина уже схватила приборы, но он коротко приказал:

– Не вздумай это есть. – Быстро нашел нужную строчку и прочитал: – *Старинный рецепт знаменитого и очень вкусного блюда. Главный его секрет в том, что мясо нарезано тонкими слоями. Кто-нибудь видит здесь слои?*

Свидетели молчали. Официанту просто нечего было возразить, а Сабина умирала от желания впиться зубами в кусок говядины и проглотить салат.

– Еще здесь полагается быть окороку, листочкам шалфея, соусу из белого вина, а также тушеным овощам с маслом. Может быть, у меня что-то не так с глазами?

– Максим, все нормально, – примирительным тоном сказала Сабина. – Я легко обойдусь без шалфея и овощей!

В этот момент возле столика появилась мадам Кологривова собственной персоной. Сабина метнула взгляд в сторону брата и увидела, что тот находится в драконьих объятиях одной из одалисок, у него оглушенный вид, а на лбу – отпечаток чьих-то жадных губ. Рассчитывать на его молниеносную реакцию не приходилось.

Мадам Кологривова держала в руках бокал с красным вином. На ее лице было написано равнодушие отравителя, пришедшего на похороны жертвы. Проходя мимо столика, она резко наклонила бокал, и вино, длинным языком лизнув скатерть, выплеснулось Сабине на колени.

– Ах, боже мой! – вскричала виновница происшествия, взметнув вверх выщипанные брови. – Какая неприятность! Я так ужасно извиняюсь!

Официант закудахтал и попытался промокнуть Сабину юбку своим белоснежным полотенцем, бледный от гнева Максим вскочил и озирался по сторонам, не зная, на ком выместить свое раздражение.

– Подайте счет! – рявкнул он.

– Не волнуйся! – попыталась успокоить его Сабина. – Просто киоскерша оказалась ведьмой. В следующий раз выберем ресторан сами.

Она надеялась, что обещание новой встречи хоть немного притушит его гнев. Не тут-то было. Как раз зазвонил его мобильный телефон, и Максим грозно рявкнул в трубку:

– Ну, что там? – Тотчас лицо его изменилось, и он воскликнул, обращаясь к Сабине: – Нужно срочно ехать! «Бумажная птица» горит!

– Как горит? – ахнула та.

На самом деле ее потряс не сам пожар, а то, что из-за него придется оставить здесь это прекрасное мясо, которое она мысленно уже много раз разжевала и проглотила! Внезапно инстинкт подсказал ей выход из положения. Она всучила своему спутнику номерок и отослала в гардероб. А сама достала из сумочки пудреницу. У пудреницы была сломана защелка, поэтому приходилось носить ее в пакетике, чтобы содержимое случайно не просыпалось на подкладку. Содрав пакетик, Сабина засунула в него кусок мяса, добавив туда же смятый комком салат.

– В цивилизованных странах, – сообщила она застывшему официанту, – остатки ужина посетителям кладут в коробочку.

– На вашем месте, – бесстрастно ответил тот, – я бы выбрал рыбный пирог.

– Сабина! – крикнул от двери Максим. Он держал ее плащ развернутым, чтобы она легко могла попасть в рукава.

Они выскочили на улицу и бросились к его «Фольксвагену». Забираясь внутрь, Сабина сломала розу, оставленную на сиденье. Розу было жалко, и она хотела приколоть головку к воротнику, но Максим открыл окно, забрал у нее цветок и бросил его на асфальт:

– Будем считать, что сегодняшнего вечера не было, – сказал он, стартовав с места. – Приглашаю тебя на ужин в другой ресторан.

– В котором ты совершенно уверен? – спросила Сабина. Мысль о мясе в сумочке расслабляла ее.

– Я уверен только в самом себе, – ответил он, мельком посмотрев в ее сторону. – Значит, вот что. Я приглашаю тебя на ужин... домой. Я сам приготовлю еду. Если все сложится, будем считать это свиданием. Если нет – просто дружеской вечеринкой. Все будет так, как ты захочешь, честно.

Вообще-то, она ни секунды в этом не сомневалась. Он вел себя с ней так, словно она была египетской принцессой, свалившейся в руки офисному работнику. Ради нее он готов был податься с сумасшедшим, приготовить ужин... да что угодно!

– Ты любишь готовить? – на всякий случай спросила она.

– Только в исключительных случаях.

Он дал ей понять, что она – исключительный случай, и это было приятно.

Машина мчалась сквозь жидкие сумерки, рассекая шинами мелкие лужи, нафаршированные огнями. Вместе с брызгами огни разлетались в разные стороны. Они выбрались на Садовое кольцо, нырнули вниз, к Цветному бульвару и замедлили ход возле цирка – на переходе, как всегда, собралась целая толпа, из которой то и дело выскакивал какой-нибудь нетерпеливый пешеход и бросался в промежуток между машинами.

– Мне позвонила Эмма и сказала, что загорелся кабинет бригадира.

– Чагина?

– Ты его знаешь? – удивился Максим.

– Видела мельком. – Сабина вспомнила рыжую физиономию Бори Чагина и сморщила нос.

– Довольно специфический тип. Дешевый покоритель женских сердец. Не знаю, что там случилось у него в кабинете. Сейчас все кинулись туда. Еще бы! У нас есть чему гореть.

– Главное, чтобы людей внутри не оказалось, – пробормотала Сабина.

На стоянке возле «Бумажной птицы» в полном беспорядке были разбросаны автомобили. Тверитинов только что подъехал и уже рванул было к двери в офис, откуда струился слабый дым, но внезапно резко остановился. Потому что увидел «Фольксваген» двоюродного брата Макса, из которого вылезала... его собственная помощница!

– Сергей Филиппович! – воскликнула та, решив, что его перекошенная физиономия знаменует отчаяние владельца фирмы, терпящей бедствие.

– Просто Сергей, – напомнил он. – Не бегите, там уже все потушили. Я надеюсь.

На самом деле его чувства не имели ничего общего с теми, которые ему приписала Сабина. Он испытал сильный, неожиданный и совершенно иррациональный приступ ревности. Какого черта она делает в машине Макса?! Какого черта они разъезжают вместе?! Она работает у него первый день и уже успела подцепить на крючок самого симпатичного холостяка фирмы? Разумеется, Тверитинов не считал своего кузена таким уж симпатичным. Просто он слышал, как об этом судачил технический персонал. А уж то, что Эмма Грушина втюрилась в директора, было ясно даже ему.

На самом деле он любил Макса, и они еще ни разу не ссорились. Вероятно, потому, что между ними никогда не вставала женщина. Тверитинов всегда был честен сам с собой. Глядя на то, как кузен помогает выбраться Сабине из машины, он вынужден был признать, что взял ее на работу только потому, что она ему понравилась. Так бывает иногда: ты встречаешь человека и вдруг понимаешь, что он не безразличен тебе и ты хочешь видеть его снова и снова. Она понравилась ему сразу и безоговорочно. Разве ему было не наплевать на то, с какой скоростью она печатает письма, владеет ли английским и на иные ее деловые качества? Да, ему было наплевать. Он едва на нее взглянул – и сразу принял решение.

Кажется, он рассчитывал на то, что они сработаются и, возможно, подружатся. Сабина поймет, какой он талантливый и сколько у него достоинств. И что сейчас? Не успел он и глазом моргнуть, как она спелась с Максом. Теперь у него нет никаких шансов. Макс моложе, современнее, он не так сильно загружен и в отличие от него блондин. Говорят, женщины не могут устоять перед блондинами. Какой-то невероятный генетический парадокс. Впрочем, красавчикам вроде Антонио Бандераса тоже кое-что перепадает. Но он далеко не латинский любовник. Он обыкновенный мужчина с обыкновенной внешностью и не самым легким характером. У него собственное дело, куча проблем и полное отсутствие свободного времени. К тому же он не всегда способен понять, проявляет женщина внимание к нему лично или к его бизнесу. В смысле, к его деньгам. Сам он деньгами никогда особенно не интересовался и всегда рассматривал их как средство решения проблем, а не как пропуск в мир сибаритов. Деньги были побочным продуктом его работы, вот так.

– Ты знаешь, что произошло? – спросил у него Максим, подняв воротник плаща.

Все втроем они торопливо двинулись к офису. У Сабины на плече висела маленькая сумочка, а к груди она прижимала пакет с какой-то книжкой. Возможно, той самой, которую заворачивала сегодня в его «Экономические вести»? Интересно бы выяснить, что там такое. Может быть, «научный» трактат «Как приручить дикого мужчину?» с подзаголовком «Замуж за десять дней» или «Как стать богатой и знаменитой? Недельный курс продвижения к славе».

– Мне позвонила Эмма и сказала, что Безъязыков задержался на работе. Ждал какого-то звонка и заснул головой на столе.

– Опять накачался пивом, – пробурчал Макс. – Лучше бы он лакал водку. Был бы бескомпромиссным пьяницей. А так – попробуй придерись к нему! Не то он под мухой, не то трезв, как гимнаст перед Олимпиадой. Меня от его железных банок с кольцами уже тошнит.

– Короче, когда этот тип проснулся, почувствовал запах гари. Бросился в коридор и увидел, что из-под двери бригадирского кабинета на первом этаже ползет дым.

– А почему не видно пожарных машин? – спросила Сабина.

– Сейчас выясним, – пробормотал Тверитинов, взбегая по ступенькам.

Ворвавшись в холл, все трое были вынуждены закрыться руками: такой здесь стоял едкий дым. Он заполнял помещение целиком, и сквозь него почти ничего не было видно.

– Фу-фу-фу! – закричал Максим. – Какого черта не открыли окна? Эй, есть кто-нибудь?

В ту же секунду им навстречу из белесой завесы выскочил тот самый Безъязыков, о котором только что говорили. Днем, когда он приходил в квартиру Тверитинова, Сабина в его сторону даже головы не повернула.

И лишь сейчас разглядела как следует, отметив невысокий рост, длинные волосы, которые выбились из «хвоста», раскосые глаза и острый женский подбородок.

– Там! – крикнул он истеричным голосом. – Там еще что-то горит!

– А где пожарные? – рявкнул Тверитинов.

– Мы думали, что сами справимся. Может, и справимся, у нас огнетушителей больше, чем мусорных корзинок.

Безъязыков нырнул обратно в пелену дыма, Тверитинов – за ним. Последним туда же рванул Макс, бросив через плечо:

– Сабин, выходи на улицу и жди там, хорошо? Не надо тебе дышать всякой дрянью...

Она послушалась, вышла наружу и некоторое время бродила туда-сюда возле крыльца, разглядывая билборды с красивыми мордами, рекламировавшими все подряд – от спортивных автомобилей до тараканьей отравы. На ближайшем плакате молодой человек с хитрой улыбкой держал возле уха мобильный телефон. Надпись гласила: «Будем вместе?» Интересно, что он предлагает – новый тарифный план или сексуальные услуги? Да уж, отечественная реклама годится только для русских, поскольку требует сообразительности и чувства юмора. Неподалеку сиял огнями круглосуточный супермаркет, по стоянке ходил служащий и собирал тележки. Лицо у него было брезгливым, как будто он делал это не за деньги, а по принуждению.

Сабину колотила дрожь. Сначала она решила, что в этом виновато нервное напряжение, но потом сообразила, что к ночи на улице сильно похолодало, да к тому же юбка у нее была насквозь мокрой! И как она забыла? Дурочка она, вот и все. Нужно немедленно войти в помещение, иначе можно простудиться и заболеть. И это в первый же рабочий день! Что там Петька говорил по поводу того, что она – жемчужина? Ничего себе – драгоценность. Чего только она не вытворила за сегодняшний день! Влезла в спальню босса, вытащила из тайника чужой дневник...

Она прижала пакет с дневником к животу. Желудок немедленно издал такой же звук, какой издает опустошенный сливной бачок. Сабина почувствовала очередной приступ голода. Черт побери, у нее ведь с собой ужин! Что ей мешает немедленно подкрепиться? Она вошла в холл и направилась к стойке, за которой сегодня видела секретаршу Иру. Откуда-то из глу-

бины коридора доносились топот и голоса, однако, судя по всему, никакая опасность офису не грозила. По крайней мере, дыма становилось все меньше.

В любой момент в холл могли войти люди. Чтобы не есть при всех, Сабина не придумала ничего лучше, как сесть на корточки. В таком неудобном положении она достала из сумки пакет, вытащила кусок мяса и, не в силах сдержать стон, впилась в него зубами. Мясо показалось ей таким вкусным! Просто божественным. Она принялась пережевывать его, склонив голову к плечу и закрыв глаза. Именно в этот момент к зданию подъехали пожарные, которых сразу же вызвал разумный Тверитинов. Он, кстати, уже возвращался в холл, ведя за собой команду борцов с возгоранием и отчитывая по дороге Эмму Грушину, которая прибыла на место происшествия одной из первых.

– Даже ребенок знает, что, заметив огонь, следует вызвать пожарную команду!

– Да они бы все здесь залили! – оправдывалась та срывающимся голосом. – У нас же готовая продукция на складе! А они разве разбираются? Тычут своими шлангами куда попало!

– Ты часто бывала на пожарах? – Это уже насмешливый голос Максима Колодника. – Кстати, где Николай? Спасает свое пиво?

В этот момент хлопнула дверь, раздался многоногий топот и чей-то глухой голос рявкнул:

– Где горит?

– Все уже потушили! – вразной ответили собравшиеся. – Вас не сразу вызвали, понимаете?

Пожарные тем не менее не собирались уходить просто так.

– Пострадавшие есть? – спросил все тот же голос.

«Наверняка командир отряда», – подумала Сабина, вгрызаясь в свой ужин. Она заставляла себя не торопиться, но у нее ничего не получалось.

– Пострадавших нет, – ответил за всех Тверитинов и в тот же миг уловил какой-то звук, раздавшийся из-за стойки секретаря. Может быть, туда забралась кошка? Или крыса? Кто его знает, какая живность водится у них в подвалах.

Мягко ступая, он двинулся к стойке, перегнулся через нее и заглянул вниз. Под стойкой на корточках сидела его помощница. В одной руке она держала пучок салата, а в другой – оковалок вареного мяса, от которого отрывала зубами большие куски, быстро жевала их и проглатывала. Глаза у нее были закрыты, а лицо выражало неземное блаженство.

Тверитинов стоял и смотрел на Сабину, не в силах оторваться от столь невероятного зрелища. Пока они ходили по кабинетам, проверяя, все ли в порядке, он как бы между прочим спросил у Макса, где они встретились с Сабиной. Тот неохотно ответил, что возил ее ужинать. Выходит, врал. У человека, который хоть что-нибудь ел на ужин, просто не может быть такого аппетита. Хотя если вспомнить сегодняшние вареные яйца...

– Что там такое? – спросил Максим, заметив, что Тверитинов висит над стойкой и, не отрываясь, смотрит вниз.

Сабина как раз проглотила последний кусок, облизала пальцы и открыла глаза. Сергей тотчас выпрямился и, кашлянув, ответил:

– Кажется, там кто-то прячется.

Сообразив, что ее убежище обнаружено, Сабина, кряхтя, поднялась на ноги.

– Никто не прячется, – сказала она. Губы у нее были малиновыми, щеки покраснелись. – Это всего лишь я. На улице холодно, я вернулась обратно и вот... заколку уронила.

Огромные пожарные в полном обмундировании протопали по коридору в глубь помещения – выполняли свой профессиональный долг. Им нужно было убедиться, что возгорание ликвидировано, и, возможно, составить акт по этому поводу. Все и всегда составляют какие-то акты, даже если выполняют самую срочную и опасную работу.

Заметив, что Максим правой рукой держит левую и баюкает ее, она мгновенно насторожилась:

– Господи, что случилось? Ты поранился?

«Разумеется, они уже на «ты», – раздраженно подумал Тверитинов. – Ну и ладно. В конце концов, она работает на меня. Я могу загрузить ее работой так, чтобы у нее не оставалось ни времени, ни сил бегать на свидания. Кроме того, через пару недель я увезу ее за границу. Так что Максу ничего не обломится».

– Обжегся, – ответил его кузен, страдальчески морщась. – Схватил какую-то железяку, а она жутко нагрелась.

– Нужно оказать тебе первую помощь! – забеспокоилась Сабина. – Здесь есть аптечка?

Эмма Грушина, которая все это время пыталась привести в порядок одежду, засыпанную хлопьями пепла, подняла голову и с откровенной неприязнью ответила:

– Я уже оказала. Максим Петрович, давайте я сяду за руль. Вряд ли вы сможете вести машину.

– Нет-нет, я справлюсь, – резко ответил тот. – Поезжайте домой, Эмма.

Грушина бросила на Сабину убийственный взгляд. Ее тяжелый подбородок дрожал от едва сдерживаемых чувств.

«Мымра, – подумала Сабина. – Если бы могла, она бы меня пристукнула без всяких угрызений совести». На секунду она представила на месте Максима Колодника Диму Буриманова. И себя на месте Эммы. Она без памяти влюблена в Буриманова, а какая-то там... двоюродная сестра, молодая и бессердечная, беззастенчиво с ним флиртует. Ей стало жалко бедную Грушину, и она сказала ей в спину:

– Спокойной ночи, Эмма.

– Спокойной ночи, – ответила та, не оборачиваясь. И пробормотала: – Если вы действительно отправляетесь спать.

Она попрощалась со всеми остальными и вышла, громко хлопнув дверью. Скорее всего, ненамеренно.

Больше всех ее слова не понравились Тверитинову. Он достал из кармана платок. На щеке у него чернела сажа, но он, разумеется, ее не видел и изо всех сил тер ладони. В самом деле: эти двое приехали на «Фольксвагене» Макса, на нем, выходит, и уедут. Вести машину Макс не может, значит, ее поведет Сабина. Она довезет кузена до квартиры, а как будет добираться до дома сама? Что, если Макс предложит ей остаться?

– Где ваша машина? – вслух спросил Тверитинов, резко обернувшись к Сабине.

– Возле вашего дома, – покладисто ответила та.

Ему не нравилось, как она выглядит: блуждающая улыбка, глаза с поволокой... Вероятно, рассчитывает на продолжение свидания. Разве могло прийти ему в голову, что всему виной полный желудок? Сабина наелась, и ей было хорошо.

– Мы что, все так здесь и бросим? – спросил Максим, осторожно опуская поврежденную руку вниз. Стало заметно, что она аккуратно перевязана бинтом. – Наверное, нужно вызвать уборщиков...

– Не волнуйся, Роман Валерьянович уже едет, – насмешливо ответил Тверитинов.

Почти в тот же миг входная дверь распахнулась во всю ширь и стукнулась о стену. На пороге возник коренастый мужчина в лыжной куртке, накинутой поверх сильно поношенного спортивного костюма. На ногах у него были расшнурованные ботинки, круглые глаза горели фанатичным блеском. Он выглядел лет на сорок пять, однако уже имел лысый череп. Только над ушами остались островки пуха, торчавшие в стороны и делавшие его похожим на филина. Тяжелые черты лица, белесые ресницы и мощный подбородок могли бы придать ему устрашающий вид, если бы не нос картошкой. Вероятно, этот нос был задуман специально для того, чтобы сигнализировать всякому, с каким милягой он имеет дело.

– Новые кресла сгорели?! – крикнул лысый таким ужасным голосом, что Сабина невольно отшатнулась.

– Это наш завхоз, Роман Валерьянович Попков, – вполголоса сказал Максим, приблизившись к ней и предоставив Тверитинову самому давать объяснения. – Бывший военный. Служил в пехоте. До сих пор любит отдавать приказания и составлять рапорты. К женщинам относится уважительно.

– О, дама! – воскликнул тем временем завхоз, заметив Сабину. – Вы случайно не пострадали? Нужно было в первую очередь вывести дам на улицу, – укорил он Тверитинова.

Тот в ответ неопределенно хмыкнул. Потом махнул рукой и представил:

– Это моя новая помощница Сабина Брусницына.

– Очень рад, я здешний завхоз Роман Валерьянович, – шаркнул ногой тот. – Для вас – просто Роман.

Тверитинов похлопал его по плечу и сказал:

– Что ж, вручаем тебе бразды правления. Сейчас подъедет милиция, будут разбираться, что произошло.

– Да, блин, совершенно ясно, что здесь произошло! – раздался громкий и наглый голос, заставивший Сабину развернуться на сто восемьдесят градусов.

Позади них стоял не кто иной, как Боря Чагин, бригадир. Жидкая рыжая челка в беспорядке, пегая щетина выглядит неопрятно. И как ему только удастся быть «первым парнем на деревне»? Впрочем, для того чтобы играть женскими чувствами, достаточно иметь сильный характер и быть уверенным в собственной неотразимости.

Возможно, это именно ОН запирается время от времени в кафельной комнате, надевает респиратор и хирургические перчатки, берет в руки пинцет и раскрывает «дипломат»... Что у него в «дипломате»?!

«Пахло чем-то отвратительным. Паленой тухлятиной...»

– Какой-то козел разбил окно на первом этаже, залез внутрь, вломился в мой кабинет и поджег корзину с мусором. Причем поставил ее на стол, скотина...

– Это твоя версия, – осадил его Тверитинов. – И с какой стати залезли именно в твой кабинет? Хотелось бы мне знать.

– Да потому, – напористо ответил тот, – что мой кабинет самый ближний к выходу. Мелкое хулиганье... Наверняка молодой безмозглый говнюк! И он ведь сюда не воровать пришел, а выкобениваться!

Его гневная тирада звучала весьма убедительно. Можно было принять эту версию, если бы не его глазки. Круглые зеленые глазки Чагина тревожно бегали по сторонам, и Сабина неожиданно подумала, что он знает, кто забрался в его кабинет и зачем. Уж точно не для того, чтобы сжечь корзинку с бумагами. Она удивилась собственной проницательности, кашлянула и неожиданно для всех спросила:

– У вас лично ничего не пропало?

Чагин повернулся к ней и посмотрел так, будто только что заметил. В тот же миг медленная улыбка раздвинула его губы, обнажив краешек белых зубов – крепких, как у собаки. Он приготовился отпустить какое-то замечание – вероятно, не слишком приятное, – но споткнулся о тяжелый взгляд Тверитинова и неловко сказал:

– Ничего у меня не пропало. Да и нечему там пропадать! Что у меня есть-то?

– А почему сигнализация не сработала? – скандальным голосом спросил завхоз, подтягивая штаны. Они пузырились на коленках и вообще выглядели не слишком изящно.

– Потому что внутри еще кое-кто оставался, – процедил Максим. – Кое-кто, перебравший пива! Разумеется, он будет наказан.

– Колька, что ли? – не поверил Роман Валерьянович и хлопнул себя руками по бокам. – Безъязыков? Может, это он, того... Сигаретку затушил не там, где следовало?

– В моем кабинете? – переспросил Чагин, кинув осторожный взгляд на Сабину, которая отчего-то не могла оторвать от него глаз. Плащ она расстегнула, и испорченную юбку было

отлично видно. – А вас чего, пожарники окатили? Если ноги мокрые, то как пить дать заболете.

– Черт, это я виноват! – спохватился Максим. – Сабина, пойдем скорее, сядешь в машину.

– Я поеду вслед за вами, – заявил Тверитинов не терпящим возражений тоном. – Сабина подвезет тебя к дому, а я подвезу ее до ее собственного автомобиля.

Максим некоторое время переваривал информацию, после чего неохотно согласился:

– Ладно, давай так. Если Сабина не против.

Они вышли из офиса на темную стоянку, под порывы холодного ветра, задиравшего одежду.

– Это же логично, – продолжал вслух рассуждать Тверитинов. – Как иначе она доберется до дому? Ее машина в моем дворе, верно?

Сабина их не слушала: она стучала зубами и мечтала о горячей ванне. Максим ей очень нравился, и, возможно, в другое время она с удовольствием смаковала бы эту симпатию. Но сегодня случилось столько всего, что на чувствах просто некогда было сосредоточиться. Взять хотя бы те ужасные подозрения, которые она черпала из дневника Ани Варламовой. И вот еще что! Она забыла спросить у Максима, когда Аня уволилась и сколько вообще проработала на том месте, которое теперь занимает она сама.

Оказавшись за рулем «Фольксвагена», Сабина некоторое время осматривалась, примериваясь к новой машине.

– Да, жуткий получился вечерок, – вздохнул Максим. – Надеюсь, ты не веришь в приметы?

– Это смотря в какие, – пробормотала она, трогаясь с места. Тверитинов включил фары и двинулся вслед за ней.

– Ну... Началось все бурно. Наше знакомство, я имею в виду. Не каждый день натыкаешься на типов, размахивающих железяками. Потом мы хотели хорошо провести вечер, но даже не смогли поужинать. Странная киоскерша, странный ресторан, странный поджог...

– Будем считать это цепью ужасных случайностей, – примирительным тоном сказала Сабина.

Лучше бы он не говорил про приметы. Не то чтобы она была суеверной, но все же как-то неприятно думать о том, что твое поступление на работу и знакомство с привлекательным мужчиной вызвало оживление неких темных сил.

– Мое приглашение на ужин остается в силе, – напомнил Максим. – Ты не забыла?

– Давай ты сначала подлечишь руку, – стесненно ответила она.

Фары тверитиновского автомобиля смущали ее, как будто он не только сидел у них на «хвосте», но и мог слышать все, о чем они тут разговаривают.

– А что рука? Думаю, уже завтра я смогу спокойно управляться с делами. – Он помолчал и сердито сказал: – Хочешь правду?

Сабина быстро и тревожно посмотрела на него, но все-таки кивнула.

– Сергею не понравилось, что он увидел нас вместе. Это какой-то начальственный бзик, не иначе. И теперь вместо того, чтобы поцеловать тебя на прощание, я должен буду по-товарищески пожать твою руку. Гутен нахт, геноссе Сабина!

– Да, жаль, что у тебя нет шторок на заднем стекле, – с серьезной миной отозвалась она. Мысль о том, что Тверитинов едет следом, чтобы не дать им с Максимом поцеловаться, здорово ее развеселила. – Мою предшественницу он тоже отслеживал, как строгий гувернер?

– Вот уж не знаю. – Максим никак не мог справиться с раздражением. – Она уволилась перед тем, как я пришел в «Бумажную птицу». Я ее даже ни разу не видел.

– Правда? – Сабина испытала внезапное облегчение. Слава богу! Если на фирме и творятся какие-то темные делишки, то Максим в них не замешан. И к нему не относится страшное

слово «ОН», которое так напугало ее, когда она читала дневник Ани Варламовой. И тогда... Тогда... Если что-нибудь случится, она сможет обратиться к Максиму за помощью.

Сейчас она, разумеется, не станет ему ничего рассказывать. Во-первых, дневник еще не дочитан до конца. Во-вторых, Максим и Сергей – двоюродные братья, своя кровь. Кто поручится, что один брат не пойдет к другому и не выложит все от начала и до конца? И тогда Тверитинов призовет ее к ответу. Придется рассказывать, как она забралась к нему в спальню, потеряла сережку, полезла под шкаф, обнаружила блокнот, вытащила его и прочитала. Нет, нет и нет! Это просто невозможно. Она будет молчать.

Максим объяснял, куда сворачивать, и они довольно быстро добрались до места. Во дворе было тесно, и машина еле-еле протиснулась в узкую щель между тротуаром и гаражами-ракушками, наставленными как попало. Морда тверитиновского автомобиля всунулась вслед за ними. Они зарулили на крохотную стоянку, где обнаружилось свободное место. Тверитинов ждал.

– Смотри, он погасил фары, чтобы видеть, как мы прощаемся, – мрачно сказал Максим. – Просто не узнаю его.

Сабина засмеялась и повернула ключ в замке зажигания.

– Не стоит разочаровывать начальника. Он обязательно должен увидеть что-нибудь стоящее.

Она наклонилась и хотела поцеловать Максима в щеку, но он подставил губы. Поцелуй получился мимолетным, но очень волнующим. Незнакомый запах, незнакомые ощущения... Приятные, пожалуй. Они выбрались из машины на улицу, и Максим быстро ушел, оглянувшись только раз, уже возле двери подъезда.

Сабина потрусила к машине Тверитинова, которая тихо рычала сзади. Он не вышел и не открыл для нее дверцу, а просто ждал, когда она займет место рядом с ним. В салоне пахло кожей и очень ярко – ванилью, вероятно, он только что повесил на зеркальце новый освежитель воздуха.

– Все? – спросил Тверитинов, дождавшись, когда она устроит ноги и запахнет полы плаща.

– А почему вы выключили фары? – лягнула она.

– Потому что стоял на месте. Зачем пугать старушек ярким светом?

Никаких старушек во дворе не наблюдалось. Да что там: ни одной вшивой кошки не было видно в палисаднике. Голые кусты растопырили в стороны ветки, да одинокий «гриб» детской песочницы торчал среди черного газона. Как сотни других дворов, этот казался неуютным и заброшенным. По тротуару время от времени проходила скорым шагом какая-нибудь фигура, но быстро исчезала во тьме – было уже поздно, и люди торопились спрятаться в квартирах. Гулять во дворе собственного дома поздно вечером давно уже не приходило никому в голову. Только хозяин какой-нибудь собаки Баскервилей мог позволить себе подышать свежим воздухом и поглазеть на звезды, покуда его любимица шныряет между тесно припаркованными автомобилями.

Тверитинов вывел машину на широкую улицу и, перестроившись в средний ряд, прибавил скорость.

– Устали? – спросил он сочувственно. – Завтра необходимо сделать несколько звонков моим партнерам. Звонки срочные и важные. Начать нужно часов в восемь. Успеете выспаться?

– Наверное, – равнодушно ответила Сабина. На самом деле она пыталась вспомнить, чем ей предстоит завтракать. Кажется, опять пустым кофе.

Остальной путь они проделали в молчании. Тверитинов ехал очень быстро, Сабина никогда так не носилась по городу. Когда перед ними возник знакомый шлагбаум, он спросил:

– А где вы живете?

– В Ясеневе.

Тверитинов длинно присвистнул:

– Ну, ничего себе! Вам до дому еще пилить и пилить. Черт, я не ожидал, что вы издалека.

– Что значит – издалека? – обиделась она. Обиделась и тут же зевнула, поспешно прикрывшись ладонью. – Ясенево – это ведь не Нальчик. Доеду как-нибудь.

Он нашел свободное место на стоянке, во дворе своего дома пристроил машину и, как только Сабина захлопнула за собой дверцу, поспешно выбрался вслед за ней.

– Подождите, – приказал он ее спине. – Предлагаю вам заночевать на рабочем месте. У меня есть свободная комната. Даже несколько свободных комнат.

Сабина остановилась, повернулась к нему с непроницаемым видом.

– Ваша предшественница часто оставалась в этой квартире. – Он специально не сказал «у меня», это прозвучало бы слишком интимно. – Она держала здесь пижаму, зубную щетку и вообще... сумку с вещами. Очень удобно на самом деле.

– Ну, я даже не знаю... – Сабина не представляла себе, отвечает ли ночевка в квартире босса деловой этике.

– Решайтесь, честное слово, – нетерпеливо закончил он. – Нам осталось спать всего ничего. Вы будете клевать носом всю дорогу, а я стану волноваться.

Ей было приятно слышать, что он будет волноваться.

– Ладно, – мягко ответила она. – Только пижамы у меня нет. И зубной щетки тоже. Придется вам мне их одолжить.

Удовлетворенный, он включил сигнализацию и, широко шагая, направился к подъезду. Сабина шла за ним, механически наступая в те же лужи. Она в самом деле хотела спать. К сожалению, есть тоже. Мясо как-то слишком быстро переварилось, и желудок уже замер в предвкушении. Не собираются ли ему в ближайшее время подбросить чего-нибудь еще? Нужно поскорее ложиться спать, иначе он начнет громко требовать добавки.

В лифте они оба чувствовали себя неловко. Вернее, Сабине казалось, что босс не в своей тарелке, хотя, когда они выходили на лестничную площадку, он отступил и с улыбкой сказал:

– Прошу, напарник.

Интересно, отчего это у него такое хорошее настроение? У него чуть фирма не сгорела, еще предстоит разбираться с милицией и приводить офис в порядок, а он чему-то радуется.

Тверитинов между тем заметил, что ее любимый пакет все еще при ней. Ему ужасно хотелось посмотреть, что там внутри. Впрочем, вряд ли это возможно. Если только спросить у нее в лоб. Он поддался импульсу и спросил:

– Что такое вы прячете в пакете?

Они стояли в прихожей и снимали обувь. Но как только вопрос сорвался с его языка, Сабина повела себя, как мышь, очутившаяся посреди кухни в тот момент, когда там включили свет. Она метнулась сначала в одну сторону, потом в другую, к вешалке, вжалась в нее и посмотрела на него круглыми глазами.

– Я не прячу, – наконец выдавила она из себя. – Там просто... личное.

– Пишете стихи? – спросил Тверитинов, который решил, что если там не пошлые картинки, то, конечно, какая-нибудь женская ерунда. *Ты так красив, тебя люблю я. Не сплю, страдаю и горюя.* Какие-нибудь вирши, от которых у нормальных людей делается несварение. Пусть лучше она их прячет. А то еще вдохновится его вниманием и захочет выступить. Графоманы обожают читать вслух, хлебом их не корми.

Он предложил ей на выбор две комнаты: одну большую, рядом со своей спальней, и вторую маленькую, ближе к кухне. Разумеется, она выбрала маленькую. Он в этом даже не сомневался. Надо же подчеркнуть свое целомудрие! Принес ей пижаму – абсолютно новую, в пакете и с ярлыком. Выделил полотенца – целую стопку – чтобы хватило на душ. Кажется, у женщин все сложно: одно полотенце – для ног, другое – для рук, третье – для волос. Даже смешно.

Она скрылась за дверью, а Тверитинов на секунду замешкался с уходом, держа ладонь на ручке. И вдруг услышал, как звонит ее мобильный телефон.

– Привет, Тамара! – сказала за дверью Сабина, понизив голос.

Тверитинову стало интересно, и он задержался специально, чтобы послушать. Вдруг его помощница поделится впечатлениями о первом рабочем дне? Для него это, черт побери, было важно.

– Не слышала я твоих звонков. И Петька звонил? Я с ним сегодня виделась. Правда, поговорить не удалось. Ужасно устала. В принципе, все нормально. Есть некоторые нюансы... Но это лучше при встрече. Начальник? – Тверитинов затаил дыхание. – Как тебе сказать? В общем, ничего. – Он выдохнул. – Да что ты, Тамара? Мне же не девятнадцать лет, чтобы флиртовать с боссом! Нет, он приятный. Да, симпатичный. Правда, одевается скучно. И прическа у него старомодная, как у Рудольфа Валентино. Вначале мы с ним сцепились. Я даже собралась увольняться, потому что он показался мне несправедливым. Но потом все утряслось...

Тверитинов заперся в собственной спальне и позвонил лучшему другу – Алексею Ватченко. Они вместе учились в школе, ходили в секцию карате и были влюблены в одну девочку. Ватченко считался математическим гением, подавал колоссальные надежды, но жизнь увела его далеко от научной карьеры. Сейчас он был владельцем бутика по продаже сувениров. Свои загородные дома друзья построили в непосредственной близости друг от друга и продолжали плотно общаться.

– Я не поздно? – спросил Тверитинов, который обычно не беспокоил людей после десяти вечера. – Хочу посоветоваться. Представляешь, я взял новую помощницу, а она задала мне такую задачку... Сказала, что у меня прическа, как у Рудольфа Валентино. Не знаешь, кто это такой?

В ответ на его слова Ватченко громко заржал.

– Я бы обиделся на тебя, – прошипел Тверитинов, – если бы в двенадцать лет ты не ржал точно так же.

– Валентино – это актер. Был страшно популярен, когда еще снимали немое кино. Но я не согласен с твоей помощницей. Зачес у тебя скорее политический, чем романтический. Кроме того, сейчас все знают, что Валентино стремительно лысел. Но знаешь что?

– Что?

– Ему зачес шел, а тебе нет. Спроси у своей помощницы, под кого тебе следует постричься, и сходи в парикмахерскую.

Когда Сабина, наконец, очутилась в постели, сон уже подстерегал ее на подушке. Она погрузила в него голову и смежила веки. Он принялся баюкать ее, нашептывая ласковые слова. Ей казалось, что она плывет в лодке и волны покачивают ее – влево, вправо...

Она полагала, что вот-вот отключится до утра. Ей просто необходимо выспаться, чтобы встать утром бодрой и энергичной. Ни свет ни заря надо звонить каким-то партнерам! С ума можно сойти. Через четверть часа ей стало неудобно в ее лодке. Она открыла глаза. Незнакомая комната, на потолке лежат уродливые тени – интересно, что такое огромное их отбрасывает? В свете уличного фонаря она разглядела трельяж, похожий на серебряный столб воды с расплывчатыми отражениями внутри, тумбочку и настольную лампу с коричневым абажуром. Под лампой лежал пакет с дневником. Похоже, это он не дает ей спать.

Сабина решила, что нужно дочитать дневник до конца и избавиться от наваждения. Лучше узнать все сразу, чем мучиться неизвестностью. Может быть, там, в самом конце, Аня Варламова напишет, что ее подозрения оказались сущей глупостью. Никаких убийств, ничего опасного. А хирургические перчатки понадобились для того, чтобы мыть емкости, в которых размачивают сырье для бумаги.

Однако дневник она спрятала. Причем спрятала довольно изощренно. Значит, рассчитывать на благополучный исход нечего. Сабина села в кровати и потянулась к лампе. Лампа не зажглась. Сабина попробовала еще раз – безрезультатно.

Она сползла с постели, прошлепала босыми ногами по полу и добралась до выключателя. Нажала на клавишу и подняла голову к потолку. Ничего. Люстра, которая некоторое время назад весело сияла наверху, теперь висела мертвым цветком. Сабине стало не по себе. Может быть, что-то с проводкой? В любом случае, прямо сейчас ее вряд ли удастся починить.

Вытащив дневник из пакета, она решила посетить туалет, благо идти было недалеко. На цыпочках выбралась в коридор и определилась с направлением. В туалете свет тоже не горел. Жуть какая-то. Может быть, электричество отключили во всем подъезде или даже во всем доме?

Чем больше препятствий вставало на ее пути к информации, тем сильнее Сабине хотелось дочитать дневник до конца. Как вообще она терпела столько времени? Целый день таскала его с собой и не прочла. Глупая гусеница. Например, пока в туалете ресторана пережидала мадам Кологривову, вполне могла бы удовлетворить свое любопытство. Это Максим ее отвлекал своими зелеными глазами и космическим обаянием.

Не желая сдаваться, она отправилась на кухню, решив, что там вполне может отыскаться фонарик или свеча. По крайней мере, на ее кухне свечи водились в изобилии – свет в районе отключали постоянно и часто без предупреждения. Следуя собственной интуиции, Сабина обыскала нижние ящики разделочного стола и наткнулась на кривой желтый огарок и упаковку спичек. Обрадовавшись, она подожгла фитиль и, держа огарок в левой руке, а дневник – в правой, принялась за чтение. Садиться не стала, потому что нервничала и хотела покончить с делом как можно скорее.

«Сегодня я узнала, что служащие фирмы дали С. Ф. прозвище – Барсик. А все потому, что он умеет подкрадываться незаметно. Ходит совершенно неслышно, я тоже обратила на это внимание. Завалил меня работой, пришлось переехать к нему. Патрик недоволен, что я остаюсь ночевать под одной крышей с другим мужчиной».

Выходит, босс ее не обманул. Аня в самом деле жила вместе с ним. Вообще-то, вполне логично. Помощница – это няня взрослого человека. Она всегда должна быть рядом и «пасти» своего подопечного.

Сабина перевернула страницу, и тут волосы зашевелились у нее на голове, потому что следующая запись касалась Тверитинова.

«С. Ф. меня пугает! Кажется, я зря сбросила его со счетов. Вчера задержалась в приемной, чтобы допечатать письма. Я была уверена, что он уже ушел. Напоследок рискнула снова заглянуть в святая святых Чагина. Открыла дверь и уже спустилась на несколько ступенек вниз, когда дверь кафельной комнаты у меня на глазах открылась и оттуда вышел С. Ф.! Увидев меня, он так разозлился, что прямо позеленел. Начал орать, почему я нахожусь там, где мне совершенно нечего делать. Я стала что-то лепетать про образцы, но он сказал, что сам составляет список моих дел и никаких образцов у меня не просил. Сказал, что очень мною недоволен, и требует, чтобы я не выходила «зарамки».

Что понадобилось Тверитинову в пустой кафельной комнате? Максим сказал, что его кузен практически не занимается производственными делами фирмы. Тогда зачем он туда отправился, да еще поздно вечером, когда все ушли?

Следующая запись потрясла Сабину до глубины души.

«Меня хотели убить! Меня душили в подъезде моего дома. Самое ужасное, что С. Ф. буквально вытурил меня из своей квартиры. В последнее время я постоянно ночевала у него, даже Патрик привык. И вдруг сегодня, после нашей стычки, босс отсылает меня прочь! Сказал, что мне не обязательно завтра приходить с раннего утра и что он дает мне возможность отоспаться, навестить родные стены...»

Сначала я даже обрадовалась, потому что стала его бояться. Вдруг в кафельной комнате с Чагиным разговаривал об убийстве сам С. Ф.? Мне ведь так и не удалось узнать наверняка, кто был внутри в тот, самый первый раз! И вот я отправилась домой. Возможно, нужно было позвонить Патрику, но я знала, что у него вечером какое-то мероприятие, мне не хотелось отрываться от работы. Какая я была дура!

В подъезде меня ждали. Именно меня! Когда я шла, то видела, что Машка из пятнадцатой квартиры влетела внутрь, и через пару минут зажегся свет в ее кухне на первом этаже. Я оказалась в подъезде сразу после нее. Тот, кто на меня напал, стоял прямо за дверью. Он набросил мне на шею инурук и начал затягивать концы! Господи, я до сих пор не знаю, как мне удалось спастись! Я успела всунуть под инурук пальцы, извернулась и выскользнула из удавки! А потом бросилась вверх по лестнице и стала биться во все двери подряд! Машка сразу выскочила, потому что увидела меня в «глазок». Мы вызвали милицию, но они, понятное дело, никого не поймали. Приняли у меня заявление о нападении – с тем и уехали.

Теперь я совершенно уверена, что С. Ф. специально отправил меня домой – на верную смерть. Он кому-то позвонил и сказал, что я еду. Меня ждали и хотели заставить замолчать навсегда».

Сабина оторвалась от чтения, потому что почувствовала, как по ее спине поползли мурашки – длинной колонной, двигавшейся от затылка к копчику. Огонек свечи дрогнул и закачался. Она выпрямилась и в ту же секунду поняла, что за спиной кто-то есть. Медленно повернулась и ахнула: Тверитинов стоял буквально в двух шагах от нее, держа в руке нож с длинным лезвием. Выражение его лица было торжественным.

– Я вас убью, – сказал он, неотрывно глядя на дневник в руке Сабины.

И она поняла, что проиграла. Хотела двинуться, но тело не слушалось: его парализовало от ужаса. Тогда она зажмурила глаза, чтобы не видеть, как ее будут убивать, и изо всех сил стиснула зубы. Ей было так страшно, что все у нее внутри перевернулось. Разбуженный желудок заворчал – громко, на всю кухню.

– Зачем вы заходили в мою спальню?

Наверное, он решил ее помучить, а потом уже прирезать, как овечку. И тут вдруг Сабина поняла, что паралич прошел, что руки и ноги подчиняются ей, и решила побороться за свою жизнь. Она распахнула глаза и увидела, что диспозиция не изменилась: Тверитинов по-прежнему тут со своим тесаком, наставленным ей в живот. Единственным ее оружием были огарок свечи, который она держала в левой руке, и дневник Ани Варламовой, стиснутый пальцами правой. Ими она и воспользовалась. Выпад ее был молниеносным. Сначала она ткнула свечой Тверитинову в нос, а потом изо всех сил хлопнула его дневником по голове. Отпрыгнула назад и присела, выставив вперед правую коленку. И крикнула:

– А ну-ка, возьми меня!

От неожиданности Тверитинов тоже отпрыгнул назад и присел. У него был такой вид, словно его только что укусила собственная бабушка.

– Вы что?! – воскликнул он, часто моргая. – Чокнулись?

– Живой я не дамся!

Тверитинов растерянно посмотрел на нож в своей руке и взмахнул им, как дирижерской палочкой:

– Я нашел этот тесак на своей кровати и решил, что его забыла экономка. А недавно она мне позвонила и сказала, что в мою спальню даже не заходила. Значит, это вы! Вы что, сектантка? Раскладываете ножи на кроватях, размахиваете свечками... Вообще-то не стоит совать огонь мне в нос, я же не Шерхан, а вы не Маугли. Если вас что-то не устраивает, просто скажите...

После его слов у Сабины вытянулось лицо. Она выпрямилась, шмыгнула носом и обиженно сказала:

– Вы подкрались сзади с ножом и заявили, что хотите меня убить! Я подумала, что вы это всерьез.

– Любите криминальные романы? – ледяным тоном спросил Тверитинов. – Я – маньяк со стажем, решил найти подходящую жертву и обратился для этого в агентство по подбору персонала. Нанял вас на работу и сразу же заманил ночевать, чтобы разрезать на маленькие кусочки.

Сабина икнула.

– Может, вы дура? – не меняя тона, продолжал ее босс. – Только дура может затащить нож в спальню начальника после того, как тот предупредил ее, чтобы она не смела туда соваться.

Во время этой тирады Сабина постепенно приходила в себя. К концу его речи она не только оправилась окончательно, но и почувствовала себя задетой за живое.

– Это вышло случайно! Мне показалось, что в вашей спальне кто-то есть. Я вооружилась ножом и пошла посмотреть.

– Открыли дверь, убедились, что все в порядке и метнули нож через всю комнату мне на постель, – иронически продолжил Тверитинов.

– Я решила проверить шкаф.

– А! Так вы еще и в шкаф лазили! Мне хочется вас придушить.

Сабина вздрогнула, и он поспешно поднял руки, показывая, что сдается:

– Это образное выражение. Нож я сейчас положу в ящик. А вы затушите этот огрызок, а то что-нибудь подожжете...

– В квартире нет света, – сообщила Сабина. – Я просто хотела зайти в туалет... с книжкой. – Она потрясла дневником.

Тверитинов возвратился к двери и хлопнул по выключателю. Свет послушно зажегся, и от неожиданности Сабина зажмурилась.

– У нас по ночам часто отключается свет, – пояснил Тверитинов. – Сколько вам требуется времени для сна? Четыре часа? Или вам достаточно поспать двадцать минут, чтобы почувствовать себя свежей, как огурец? Я вас честно предупредил, что рано утром нужно приниматься за работу. Может быть, все-таки попробуете вздремнуть? Кстати, на двери вашей комнаты есть задвижка. Если ваши мысли снова примут нежелательное направление, можете запереться.

Босс развернулся и отправился к себе, стуча пятками. Сабина только сейчас заметила, что он босиком. А пижама на нем – родная сестра ее собственной, которую он ей одолжил. Только на ней она болтается, а на нем сидит как влитая. Надо отдать ему должное, сложен он неплохо.

Вместо того чтобы последовать его совету и отправиться в постель, Сабина осталась стоять на месте. Медленно она раскрыла дневник на том месте, на котором прервала чтение. Записей осталось совсем немного. Она просто обязана покончить с этой пыткой!

«Я все рассказала Патрику. Он заявил, что все уже решил. Мы поженимся и уедем в Америку. Что он не желает рисковать мной, поэтому советует немедленно подать заявление об уходе. Я счастлива! Даже если бы он не захотел на мне жениться, я все равно уволилась бы. Невозможно работать на человека, если подозреваешь, что он желает твоей смерти.

Патрик подарил мне кольцо. Невероятно красивое и очень оригинальное – золотая птичка с изумрудной грудкой и бриллиантовым глазом. Я обожаю его! Мы уедем, как только все уладится с документами. И будем счастливы! Если, конечно, мне не помешают. Одна по подвездам я теперь не хожу.

Почему-то мне кажется, что С. Ф. не позволит мне уехать. Иногда он смотрит на меня исподтишка, да так, что мне становится не по себе. Может быть, из-за того, что я пыталась проникнуть в тайну кафельной комнаты? Возможно, он думает, что я выяснила что-то определенное? Вдруг там все-таки кого-то убили?»

* * *

«Кажется, С. Ф. догадался, что я веду дневник! Если на фирме действительно творятся темные делишки и он сам в них замешан, он попытается завладеть им. Мне остался один день, и потом я – свободна! Надеюсь, сегодня со мной ничего не случи...»

Записи обрывались именно так, на слове «случится». Сабине страстно хотелось выяснить: действительно ли с Аней Варламовой ничего не случилось? Единственный способ узнать это – попробовать связаться с ней. Возможно, Аня будет откровенна с женщиной, которая заняла ее место?

С этой мыслью Сабина возвратилась в комнату и с ней же уснула, засунув дневник под подушку.

ВТОРОЙ ДЕНЬ

Завтрак: черный кофе, сухарик.

Обед: кусок вареного мяса.

Ужин: ветчина или вареная колбаса без жира, листовой салат.

Она сидела на табуретке, уставившись в одну точку. Разумеется, заспанная. На щеке – след от подушки, в руке – чашка черного кофе. Когда Тверитинов – свежий после душа, с гладко выбритым лицом – появился на кухне, она подняла голову и посмотрела на него, как магазинная уборщица на наследившего покупателя.

– Доброе утро! – поздоровался он.

Сабина мрачно кивнула. По ее мнению, черный кофе без сахара – это совсем не то, что могло бы сделать утро добрым.

– У вас действительно нет сухарей? – спросила она таким тоном, будто они уже час как спорили. – Или это мне показалось?

– Сухарей? – тупо переспросил Тверитинов.

Он был готов к ее нападкам по поводу своего ночного появления на кухне с ножом в руках, но сухари застали его врасплох.

– Сухарей, сухарей, – нетерпеливо повторила Сабина. – Таких хрустящих штучек, которые продаются в коробках или пакетах. Неужели нету?

– Ах, это! Хрустящие штучки! – с напускным оживлением откликнулся он. – Нет, они закончились еще на прошлой неделе.

– Я должна была догадаться, – пробормотала Сабина, длинно отхлебнув из чашки.

– Впрочем, у меня есть тостер и хлеб, – сообщил Тверитинов и увидел, как внезапно просветлело ее лицо. – Кстати, что говорит трудовое законодательство по поводу завтрака? Я сам должен приготовить его для вас?

Она засопела и поднялась на ноги:

– Просто покажите, где что лежит.

Пока она возилась с хлебом и тостером, он сварил себе кофе, сдобрил его сливками и бухнул в чашку два куска сахара. После этого сделал себе пару толстых бутербродов, разогрел их в микроволновке и принялся за еду. Она тоже под села к столу с куском поджаренного хлеба. Глаза ее горели, как у беспризорника, попавшего на банкет. Тверитинов впервые видел человека, которого бы так возбуждали сухие корки.

– Поджарьте себе еще, – любезно предложил он, когда она сгрызла большой сухарь и облизнулась.

– У нас с вами нет времени рассиживаться.

Несмотря на взъерошенный вид и помятую щеку, она все равно ему нравилось. Вероятно, дело тут было не во внешности, а в чем-то другом. Говорят же, что чувства – это химия. Веро-

ятно, какие-то таинственные вещества в его организме вступили в реакцию с ее таинственными веществами, не иначе. Тверитинов неожиданно подумал, что, не прояви он вчера решительность, тосты Сабина сейчас наверняка готовила бы на кухне Макса. Черт побери, не может же он каждый день отлавливать ее после работы?

Он ведь не влюбился. Просто в кои-то веки обратил внимание на женщину! Ему нужно время для того, чтобы во всем разобраться... А вот Макс у не нужно никакого времени, в этом все дело.

Никогда в жизни Тверитинов не флиртовал с собственными сотрудницами. «Это аморально. Абсолютно недопустимо. Ты платишь ей зарплату, она зависит от тебя. Она выполняет твои распоряжения, этим нельзя пользоваться в личных целях... А Макс не имеет к ее зарплате никакого отношения. Ужасно несправедливо. И Макс моложе», – в который уже раз подумал Тверитинов, а вслух сказал:

– Запишите в свой блокнот. Мне нужно сегодня заехать в парикмахерскую. Втисните парикмахерскую в мой график, который я для вас распечатал.

Сабина не могла поверить, что после вчерашнего пожара и ночной стычки на кухне он отправился в кабинет распечатывать какой-то там график.

– Ладно, – сказала она, вымыв чашку и засунув ее в сушилку. – Давайте график, и я пойду звонить. А вы?..

– У меня переговоры, – с нескрываемым сожалением констатировал он.

Ей придется отправиться в «Бумажную птицу» без него. Он постарался сделать так, чтобы все это время она была загружена по горло и у нее не осталось ни одной свободной минутки для того, чтобы заглянуть в кабинет директора.

Впрочем, все это теряло смысл, потому что вечер у Тверитинова был безнадежно занят. Он потеряет ее из виду примерно в семь часов. После работы она сможет делать все, что захочет.

Вряд ли он был бы польщен, узнав, что о нем Сабина думает гораздо больше, чем о его двоюродном брате. О нем и о кафельной комнате. И мысли ее были отнюдь не романтические.

Если со времени ухода Ани Варламовой ничего не изменилось, размышляла Сабина, то завтра, то есть в четверг, можно будет узнать, кто приносит «дипломат» в подвал и надевает хирургические перчатки. Но предварительно следует разведать обстановку. Вчера, кроме кабинета Эммы, она никуда не заходила. Кстати, почему администратор сидит на первом этаже, а не на втором? Может быть, Максим выселил ее, чтобы она не могла слишком часто появляться в его приемной? Сабина даже не представляла себе, насколько близка к истине.

Прежде чем отправляться на фирму, дневник Ани Варламовой следовало где-то спрятать. Но не в квартире босса. Если рыльце у Тверитинова в пушку и он наткнется на дневник, сразу поймет, что она все знает. Везти его домой? Дорога отнимет слишком много времени. На вокзал в камеру хранения? То же самое время, которого у нее нет. Что ж, придется пока носить дневник с собой. Сабина сняла с него обложку и, скатав в трубочку, засунула в свою сумку. Получилось не очень красиво, зато надежно. В сумке у нее ключи и документы, за ней она следит зорко.

Кстати, вести себя следует естественно. Она должна быть вне подозрений. Новенькая, которая занимается только тем, что ей говорят. Ни шагу влево, ни шагу вправо.

Первым, кого она увидела, войдя в офис «Бумажной птицы», оказался Роман Валерьянович Попков – завхоз и бывший пехотинец. На нем сегодня был полосатый костюм и галстук с жирным пятном, замаскированным булавкой. В обеих руках он держал по мобильному телефону, прижимая их к голове с двух сторон, и громко объяснял:

– Ночью у нас случилось происшествие! Милиция выявила поджог, мне уже и бумагу специальную выдали. Так что необходимо переговорить с вашим руководством... – Он оторвал один телефон от уха и отставил подальше, сообщив в другой: – По поводу сигнализации. –

После чего поменял мобильные местами и прокричал в другую трубку: – По поводу замены проводки.

Он был похож на сумасшедшего в момент обострения. Скорее всего, из-за выражения лица – неконтролируемого радостного и не соответствующего обстановке.

– О, дама! – воскликнул он, увидев Сабину. Засунул телефоны в разные карманы пиджака и раскинул руки, будто собирался ее обнять. – Не простудились? И славно, славно. Кстати, если вам нужен чайник, приходите и требуйте.

– У кого? – спросила Сабина, точно зная, что ей нельзя пить чай еще пять суток. Только на седьмой день диеты чай попадал в ее утреннее меню.

– У меня, – озадачил ее Роман Валерьянович, выкатив грудь колесом. – Я тут главный по хозяйственной части.

Выходило, что он завел разговор о чайнике просто для того, чтобы похвастаться своим служебным положением. Поистине, людям с заниженной самооценкой следует брать у него уроки.

Направившись к лестнице, Сабина неожиданно наткнулась на Эмму Грушину, которая стояла поодаль с секретаршей Ирой и, вместо того чтобы ответить на приветствие, оглядела новую сотрудницу с ног до головы критическим взором.

– В чем дело? – спросила та и остановилась. Она не собиралась спускать мымре ее выходки.

– Фу, – сморщила нос Эмма. – У вас ничего не получится, я уже вижу. Вчера мне показалось, что вы не такая толстая.

Секретарша втянула голову в плечи и потрусила к своей стойке, не желая становиться свидетельницей ссоры. Но Сабина вовсе не собиралась устраивать скандал. Она ведь не простой работник, а жемчужина! И не поддается на провокации.

– Господи, как я вам сочувствую, – тихо сказала она, подойдя поближе к Эмме. – Если вам так неприятно смотреть на мою фигуру, могу себе представить, как вы расстраиваетесь каждое утро, глядя в зеркало на свою.

– А я не затесываюсь в помощницы к богатым предпринимателям! – с веселой злостью ответила Эмма. – Кстати, я дала распоряжение отвезти чемодан с вещами к Сергею Филипповичу домой. Если через две недели вы не влезете в одежду, начнем высчитывать из вашей зарплаты ее стоимость. Не забыли, что мы подписали контракт, где оговорен сорок четвертый размер?

То, что объем ее талии и бедер внесен в контракт, Сабина не помнила. Просто не обратила на это внимания. Зато Петька точно должен быть в курсе. Ну, она ему покажет! Кстати, очень интересно, как закончился для него вчерашний вечер в компании трех подвыпивших дамочек и взятого ими на абордаж Кологривова?

Она не стала больше нигде задерживаться, потому что дел ей Тверитинов надавал столько, что словами не описать. А ведь еще нужно выкроить время для того, чтобы провести рекогносцировку. Завтра – четверг. В пять часов ОН проследует с «дипломатом» в кафельную комнату.

Сабина вошла в приемную, где вчера так долго маялся Саблуков, усмехнулась и поставила стул, на котором он сидел, в угол. После чего начала обживать стол и разбираться с оргтехникой и телефонами.

Странно, что ей не икалось, потому что Тверитинов думал о Сабине все утро. Несколько раз порывался позвонить, но не нашел достойного повода и отказался от своей мысли. Тем временем на фирме кое-что по вине Сабины произошло, и узнал он об этом совершенно случайно, когда связывался с завхозом Попковым, чтобы обсудить хозяйственные вопросы.

– Как дела? – задал он дежурный вопрос, едва Роман Валерьянович поднял трубку.

– Лампу на втором этаже разбили, – сокрушенно ответил тот. – В коридоре, перед вашей приемной. Ужас как жалко.

– Да уж, – бросил тот и машинально спросил: – Уборщики постарались?

– Нет, референт ваш, Горьков. Как махнул ручищей, так напрочь ее и снес. – В голосе Попкова слышалось явное неодобрение.

– Во дает, – рассердился Тверитинов. – Ему в постели лежать надо, а он руками размахивает. Надеюсь, с ним все в порядке? Он не порезался?

– Нет, не порезался, – радостно ответил завхоз. – Ребро сломал.

– Ребро?! Что-то я не понял... Он махнул рукой и сломал ребро?

– Ну да. Он же лампу почему снес? Потому что подрался!

– Подрался? С кем? – Тверитинов швырнул на стол ручку, которую все это время вертел в руках.

– С Борькой Чагиным.

– С Чагиным? – опять переспросил босс.

Что-то невероятное. Вадик Горьков, безвредный, как ленивец, спокойный и, в общем-то, довольно благодушный молодой человек, подрался с бригадиром, которого Тверитинов про себя иначе, как мордоворотом не называл. И тут в его сознании зародилось некое подозрение.

– А почему они подрались именно перед моей приемной? – вкрадчиво поинтересовался он.

– Что мне будет, если я скажу? – Завхоз напоминал классного ябеду.

– Роман, прекрати валять дурака.

– Ну, как – почему подрались, босс? Из-за помощницы вашей, Сабины.

– Так я и знал, – пробормотал тот обреченным тоном.

– Чагин к ней клинья подбивал, а Горьков вывел его, значит, в коридор и что-то такое высказал. Тот на дыбы да ему по роже. Вот они лампу и разбили.

Тверитинов пообещал себе, что обязательно поощрит Вадика и даже заедет к нему с цветами и конфетами, если сломанное ребро приковало того к больничной койке. Выходит, мордоворот клеился к Сабине. Подбивал клинья. Вот скотина.

– А Чагину случайно мой референт ничего не повредил? – с затаенной надеждой спросил он.

– Нет, ничего, – откликнулся завхоз. Помолчал и добавил: – Референт ничего не повредил. Ему Максим Петрович, директор наш, руку вывихнул. Да так сильно вывихнул, верите ли? Врачи приезжали, укол делали.

– А при чем здесь Максим Петрович? – напрягся Тверитинов. – Он-то как оказался возле приемной?

– Когда драка началась, его Безъязыков позвал. Он после вчерашнего возгорания к начальству подлизывается. Не хочет, чтобы его за пиво к административной ответственности привлекли. Бежит впереди, ведет директора, значит, к месту происшествия и объясняет: правильно, дескать, референт за Сабину заступился. Потому как если бы вы на месте были, собственноручно бы Чагину голову оторвали. Так как имеете интерес.

– Я?!

Тверитинов был так потрясен заявлением завхоза, что едва не свалился со стула, на котором сидел.

Роман Попков понизил голос и шепотом сообщил:

– Безъязыков вчера у вас дома был и вроде как застал вас с помощницей в интимной обстановке. Это не я говорю, это он сказал!

– Он так сказал?!

– А Чагин поддакнул. Я, говорит, потому и позволил себе руки распустить, что знал от Безъязыкова, будто дама, так сказать, веселого нрава.

– Я верно тебя понял? – Голос Тверитинова стал твердым и зашелестел, как конек, разрезающий лед: – На рабочем месте в рабочую смену бригадир Чагин приставал к моей личной помощнице? Потому, что до него дошли слухи, будто она не против пофлиртовать с мужчинами, в частности со мной?

– Как вы все это складно изложили! – восхитился завхоз. – Но Максим Петрович с ним разобрался. Руку ему вывихнул и глаз подбил. Было весело, – закончил он. – Чагину многие хотели глаз подбить, а тут такой случай представился.

Завершив разговор, Тверитинов немедленно сорвался с места, отменив две важные встречи. На Большой Никитской он попал в кошмарную пробку: гаишники решили разгрузить центр города и вышли на улицы регулировать движение. Их благие намерения, как обычно, погрузили город в коллапс.

Тверитинов откинулся на спинку сиденья и принялся ругать себя на чем свет стоит. У него просто каска съехала. Позавчера он впервые в жизни увидел эту девицу и уже готов копыя ломать ради нее. И зачем он сейчас мчится на фирму? Да только затем, чтобы застать ее в объятиях собственного кузена! Захотел все увидеть своими глазами. Ведь Макс дрался за нее, и она не сможет остаться равнодушной к его подвигу.

Как выяснилось некоторое время спустя, Сабина и понятия не имела, какие баталии происходили за дверью, ведущей в коридор. Ей было не до того. Некоторое время назад она взялась за доклад, который нужен Тверитинову к завтрашнему утру. С ним он должен выступить на технологическом семинаре. Доклад следовало подредактировать, убрать опечатки, сверстать, распечатать и переплести, для того чтобы он выглядел представительно. Опечатки Сабина, разумеется, исправила, но что касается содержания, тут она почти ничего не поняла. Речь шла о создании целлюлозно-бумажного предприятия с полностью закрытым циклом. О передовых технологиях бумажного производства и использовании компьютерных систем. О взаимодействии целлюлозно-бумажной промышленности, ведущих мировых разработчиков и исследовательских организаций, поставщиков оборудования, о химикатах и инженерных ноу-хау.

Гораздо больше ей понравился текст статьи, которую Тверитинов подготовил для юношеского журнала. Статья оказалась интересной, особенно для человека, который не особенно разбирался в предмете.

«Покупая в магазине книгу или тетрадь, мы даже не задумываемся о том, как появилась на свет эта вещь. Бумага кажется нам простой и обыкновенной – привычной. Тем временем производить ее очень непросто. Не все страны мира берутся за это ответственное дело. И не потому, что у них нет лесов и не хватает сырья. Все упирается в бумагоделательное оборудование. Оно дорого стоит, оно громоздкое и практически не поддается модернизации. Из-за этого новые идеи технологов и других профильных специалистов очень трудно реализуются».

Из этой же статьи Сабина узнала, что одни бумагоделательные машины в качестве сырья используют только макулатуру, а другие – еще и целлюлозу. Что целлюлозное производство очень вредное, но только благодаря ему существует белая бумага. И если предприятие закупает новую машину, на то, чтобы отладить все технологические процессы, может уйти очень много времени, даже при наличии хороших специалистов.

Судя по всему, Тверитинов был не просто хорошим специалистом, он был гением в своей области. Его ноу-хау принимались на ура и использовались во всем мире. Ведущие производители бумаги считали за честь сотрудничество с ним.

А он сидел в «Бумажной птице» и не видел в этом ничего особенного. Да нет, нет, такой человек просто не может заниматься темными делишками! Мелкими темными делишками в маленькой московской фирмочке. Или все наоборот? Собственная фирма нужна ему именно для того, чтобы прикрывать какие-то темные делишки? И не делишки даже, а криминальные аферы. И масштаб у этих афер может быть поистине впечатляющим.

Именно в тот момент, когда Сабина боролась с очередным приступом тревоги, она и появилась. С плащом, перекинутым через правую руку. Надя Тверитинова. Женщина, на которой гений женился в туманной юности и с которой развелся, когда их дочь повзрослела. Она была невысока ростом и уже немолода, но стройна и красива, как экзотический цветок. Простое однотонное платье, гладко зачесанные белокурые волосы и один браслет в качестве украшения – такой она предстала перед Сабиной. Господь Бог смело мог считать эту женщину гордостью своей человеческой коллекции.

– Добрый день, – мелодичный голос нежданной гостьи гармонировал с ее же наивными синими глазами. – Я могу увидеть Сергея? Я его жена.

Она не сказала – бывшая. Просто жена.

Если бы она сейчас развернула туго накрахмаленные крылья и впорхнула в кабинет Тверитинова, не касаясь ногами пола, Сабина ничуть не удивилась бы. С такой грацией двигаются только русалки, с такой нежностью улыбаются только феи. В присутствии подобных существ обычные люди чувствуют себя зрителями, затерянными в темноте зала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.